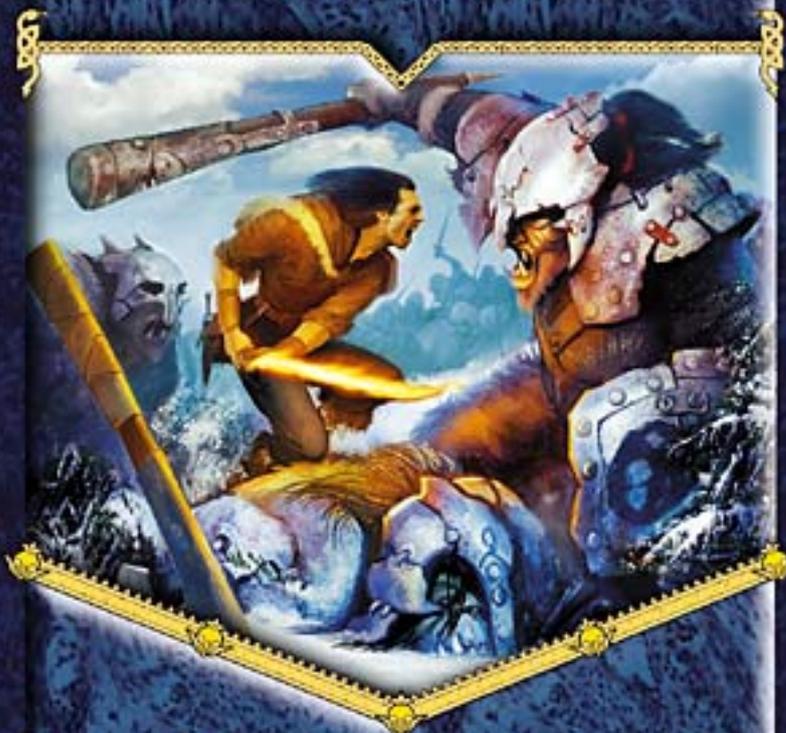

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Роман АФАНАСЬЕВ

ОГНЕРОЖДЕННЫЙ

Издательство Альфа-книга

Роман Афанасьев
Огнерожденный
Серия «Огнерожденный», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127000
Роман Афанасьев. Огнерожденный: Альфа-книга, Армада; Москва; 2005
ISBN 5-93556-508-0*

Аннотация

Сирота Фарах, живущий на краю пустыни, далек от мыслей о сражениях и битвах, он подмастерье деревенского кузнеца и только. Его воспитал дед, и его ждет обычная судьба – работа, женитьба, дети... Но Бог Огня и Бог Тьмы ведут вечную войну деля мир, в котором живут люди. Наступает время, когда столкновение армий Юга и орды Севера неизбежно и злая судьба криво ухмыляется Фараху. Он вынужден бежать, меняя привычный деревенский покой на дороги, полные опасностей. Они ведут его на север – в обучение к жрецам Огня и к новой судьбе. И вскоре молот кузнеца в его руке сменит меч воина, он постигнет тайны Огня, а старое предсказание изменит всю его жизнь.

Содержание

Часть первая	4
1	6
2	11
3	14
4	16
5	20
6	27
7	31
8	35
9	42
10	46
11	52
12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Афанасьев Роман Сергеевич

Огнерожденный

Часть первая

Дорогами судьбы

1. Прошло много лет и сила, сотворившая все сущее, разделилась на равные части.

2. Все зло, что ранее в ней пребывало, собралось в темный мерзкий ком. Из него родился Тайгрэн, Бог Холода и Тьмы.

3. Все светлое и доброе, что существовало в изначальной силе, слилось в прекрасный сияющий шар и из него родился Энкана, Бог Огня и Света.

4. Боги-братья стали непримиримыми врагами. Тайгрэн стремился уничтожить все сущее, заполнить Мир тьмой и холодом. Энкана не мог смириться с этим. Он желал, чтобы Мир всегда оставался светлым и цветущим. Борьба между братьями не прекращалась ни на миг. Небо полыхало и плавилось, когда Боги сходились в схватке, стараясь друг друга превозмочь. Но силы братьев были равны, и битва продолжалась много лет. И Небо и Мир страдали от этой войны.

5. В конце концов, Энкана одолел Тайгрэна: изгнал его с небес, и Бог Тьмы упал в Мир, населенный смертными. Энкана праздновал победу. Он сотворил прекрасный дом – Солнце, и поселился в нем. Бог Огня радовался победе и проводил время в пирах и празднествах.

6. Тайгрэн не погиб. Бог не может погибнуть. Он остался в Мире и, пребывая в нем, построил себе дом из льда. Пока Энкана праздновал и веселился, Тайгрэн копил силы. Был он полон злобы, и всякое его деяние приближало Мир к Тьме.

7. Энкана не следил за братом своим. В его распоряжении осталось все Небо и казалось ему, что этого хватит. В счастье проводил он свои дни и не знал забот. Но однажды, обратив взгляд свой на Мир, он ужаснулся.

8. Тайгрэн набрал столько силы, что мог снова сражаться с братом. Но не стал он бросать вызов Богу Огня. Тайгрэн решил сначала захватить весь Мир, умножить силы своим и лишь потом объявить Небу войну.

9. Энкана не стал дожидаться, пока его брат погубит весь Мир. Жалость к смертным проснулась в его огненном сердце. Помнил он, как Изначальная Сила, чей частью он был ранее, создавала Мир. И тогда Энкана поклялся, что не позволит брату уничтожить все Живое. Бог Огня вышел из своего небесного дома и спустился на Землю, добровольно лишив себя всех благ Небес. С тех пор Солнце – дом Энканы, – светит тускло, и почти не греет Мир. Его греет сам Бог Огня, живущий на Юге. И так будет всегда, пока Энкана не одолеет Тайгрэна.

10. Поскольку смертных творила изначальная сила, то в каждом из них есть и частица Огня, и частица Холода. Каждый из них может обратиться и к Добру и к Злу. Но каждый смертный должен стремиться найти в себе частицу Энканы и восславить Бога Огня, чтобы спасти наш Мир. А все жрецы Огня должны помогать смертным искать Огонь Энканы в себе. Те же люди, что обратятся к Тьме и Холоду, должны быть уничтожены. Иные из них не ведают что творят, и приближают гибель Мира. Другие – предали Огонь, согревающий их, и превратились в чудовищ, алкающих крови смертных братьев своих. Те же смертные, что не принимают Энканы и не обратились к Тайгрэну, предатели вдвойне. Они могут спасти Мир, но не делают этого, предпочитая оставаться в стороне, пока за них проливают кровь

другие. Таких нерешительных следует выискивать и склонять к делу Огня. Упрямствующих и упорствующих необходимо наказывать особо сурово, как бесполезных дармоедов.

11. Каждый жрец Пламени, должен помнить, – только раздувая Огонь, можно сохранить Свет в нашем Мире и тем спастись от Тьмы.

Писание Жрецов Пламени, Сказание Второе.

Писано Телерием из Храма Харвис

в 720 год от явления Бога Огня в Мир.

Переписано Жрецом Пламени Сарсаном

В 1020 год от Явления Бога Огня в Мир

В Храме Южного Пламени Таграма.

1

В этот вечер закат выдался особенно красивым. Багровый шар солнца присел на вершину горы, словно примерясь – удержится ли. Не удержался. Пополз вниз, за гору, щедро орошая склоны красными закатными лучами. Ветки кустарника, разбросанного по склону, затрепетали, впитывая последнее тепло этого дня, а на пучки чахлой травы, примостившиеся в трещинах, легли длинные тени.

Фарах провожал день, удобно устроившись на своем любимом месте, – на скальном выступе, что нависал над тропинкой, ведущей к деревне. Здесь росло единственное дерево на северном склоне: старая горная сосна, сгорбленная, словно столетний старец. Невысокая, – чуть больше самого Фараха, но раскидистая. Это место Фарах любил. Обычно, если на вечер не оставалось работы, он приходил сюда и провожал солнце, молясь о том, чтобы оно взшло утром. Когда наступала темнота, он возвращался домой и ложился спать.

Но сегодня был не обычный вечер. Сегодня уходил последний день детства. Завтра Фарах собирался отметить начало своего восемнадцатого года жизни. С завтрашнего утра он мог называться мужчиной. И начинать бриться.

Фарах потрогал свой гладкий подбородок и вздохнул. Борода не хотела расти. У его деревенских сверстников уже пробивался первый мужской волос – мягкий и светлый, как выгоревшая на солнце трава, а у него не рос, хоть тресни. Но – пусть. Главное то, что с завтрашнего дня ему можно будет прицепить к поясу давно выбранный, но до поры спрятанный, нож. Тогда уж обидчики поостерегутся его задевать. Он сможет пить чай в компании взрослых, слушать их разговоры, правда, вежливо помалкивая. А еще сможет, проходя мимо колодца, одобрительно причмокнуть вслед Фаие. Хотя нет, лучше он поможет поднести кувшин. Они пойдут рядом, и можно будет о чем-нибудь поговорить, ловя на себе завистливые взгляды вчерашних приятелей – пацанят, которым еще не разрешали разговаривать с взрослыми девушками.

Последний луч заходящего солнца сверкнул в вышине и исчез. Алый краешек солнца спрятался за горой. Наступала ночь. Фарах поднялся на ноги и огляделся по сторонам, пытаясь навсегда запомнить последний вечер своего детства.

Сумерки опустились на горы. Вершины еще подсвечены заходящим солнцем, но здесь, внизу, ночь уже вступала в свои права и заливала подножье горной гряды темнотой. Чуть дальше, ровно к северу от горы, лежала деревня Эшмин. Она пристроилась между двумя высокими холмами, там, где больше всего тени жарким южным днем. Отсюда Фараху хорошо были видны огни в домах. Пора возвращаться. До деревни недалеко, обычно можно не спешить, но сегодня лучше прийти раньше. Тейрат Хазирский, его дед, сказал, что эту ночь его внук не забудет никогда. Дед обещал, что когда наступит полночь, он, наконец, расскажет внуку, кто его родители. Почему этого нельзя сказать раньше, Фарах не понимал, но смирился с решением деда и терпеливо ждал восемнадцатого дня рождения. Тейрат Хазирский, строгий и молчаливый старик, никогда и ничего не делал просто так, из прихоти. Если молчал, значит, так было надо. Он знал столько вещей, что порой Фараху казалось, что сам он – ничтожная неразумная букашка, по сравнению с дедом.

Старый Тейрат, как его называли местные, дед Фараха, учил детей грамоте. В деревне не было своего Жреца Огня, обычно учившего детей наукам, слишком маленькой она была. И когда в Эшмине, пять лет назад, появился старик, хорошо знающий грамоту, тогдашний староста Хамир, сразу смекнул, что можно получить с незваного гостя. Он предложил Тейрату пожить в маленьком свободном домике, а взамен попросил учить деревенских ребятшек. Тейрат согласился. С тех пор они с внуком так и жили в маленьком домике на краю

Эшмина. Старый Тейрат занимался с детьми, а подрастающего Фараха, сильного и выносливого, определили помощником кузнеца – тому вечно не хватало рабочих рук.

За пять лет, дед Фараха выпестовал писаря, подучил северному языку нового старосту и совершил немислимый подвиг, обучив грамоте кузнеца. Это действительно было трудно. Со счетом проще, – куда же без счета, даже в деревне. Обсчитают, обманут, обвешают. А грамота вроде и не нужна. Но Тейрат без устали трудился, вдалбливая ученикам, и старым и младым, основы Северного языка, на котором говорили в Столице и в Приграничье. И как ни странно – преуспел. Староста смог блеснуть новыми знаниями на одной из ежегодных ярмарок в соседнем Башмине, за что удостоился похвалы от самого главы города. Тот назвал отличившегося гостя просвещенным и достойным примера – и это перед всеми старостами округа. Немудрено, что вернувшись в дом, Фасал расщедрился, наградил Тейрата пятеркой северных марок и повелел учиться всем деревенским. В меру сил. С тех пор Тейрат и Фарах не знали нужды, – под присмотром старосты, за учебу платили все. Хоть не звонкой монетой, а в основном едой да товарами. Но и того было довольно, чтобы не бедствовать. Так и жили.

Фарах, ушедший в воспоминания, споткнулся и помянул бога тьмы Тайгрена нехорошим словом. Устыдился, шлепнул сам себя по губам и пошел медленнее, внимательно высматривая дорогу в темноте. Дед, конечно, у него самый лучший, но он не терпел никаких бранных слов, и больно учил Фараха прутом, если тот употреблял словечки, услышанные от деревенской ребятни. Еще бы – учитель! Как так, у такого ученого человека и внук сквернословец. Нехорошо. Но раньше, когда они жили в Хазире, дед и сам не прочь был пустить крепкое словцо, особенно на базаре, когда ловил за руку воришку. Но жизнь в Хазире Фарах помнил плохо, словно старый сон. Ведь тогда он был еще совсем маленьким и с той поры прошло очень много времени. Запомнилось только, что вечно они скитались, перебирались с одного места на другое, жили подаянием. Потом шли на юг. Долго шли, несколько лет, подолгу задерживаясь то в одной деревне, то в другой. Но, наконец, пять лет назад, скитания кончились. Они пришли в Эшмин и остались тут. Это Фарах помнил уже хорошо. И как начинал работать в кузне и как ухаживал за фруктовыми садами, и как всем миром копали глубокий колодец у вдовы Масура. Все помнил. И как первый раз подрался с местными, и как первый раз хихикнула ему вслед Фаие. Это сейчас Фарах стал стройным и мускулистым парнем, а раньше был тощим мальчишкой с торчащими острыми локтями и худыми до прозрачности ногами. Не мудрено было хихикнуть. Но несколько лет работы в кузнице закалили Фараха и превратили его в крепкого парня, который с гордостью носил звание подмастерья кузнеца. Теперь он числился в первых красавцах – высокий, стройный, чернобровый, способный махать молотом с утра до вечера. А теперь еще – и взрослый.

Предаваясь воспоминаниям, Фарах, наконец, выбрался на натопанную дорогу. До дома оставалось совсем немного. Он уже прошел фруктовые сады Тамура, и вошел в деревню. Теперь надо было обогнуть ее, пройти по задворкам – так ближе всего до дома, стоявшего на окраине. Староста добр к ним, но на новый дом его щедрости не хватает. Но это понятно. Дом построить – это не сорняк выдрать. И камень надо собрать, и глины и прутьев, да и руки рабочие нужны. А ведь каждый при деле! От работы никого не оторвешь, разве что родичи помогут. А какие родичи у пришлых?

Пройдя сады, Фарах добрался до поворота к дому и стал подниматься на холм. Дом стоял прямо на склоне, как бы нависая над остальной деревней. Жить на отшибе было удобно, – никто не мешает, да и под окнами попусту не крутятся ребятня. А то, что до колодца далеко идти, то пустяк. Крепче ноги будут.

Дом действительно маленький – даже по деревенским меркам. Но зато сложен из крупных светлых камней, очень красивых. Даже в темноте видно сразу весь дом – светлое пятно на фоне темного склона. Единственное окно, забранное деревянной решеткой, слабо свети-

лось. Фарах подумал, что дед уже запалил масляную коптилку и при ее свете перебирает глиняные таблички, исчерканные неровным ученическим подчеркиком.

Он прибавил шаг и вскоре очутился у порога, закрывавшего вход в дом. Отодвинув его, он вошел в чулан, где хранились пустые кувшины, корзины и прочая утварь. Вход в комнату был плотно занавешен шерстяным одеялом, оставалось только отодвинуть его и можно сказать, что он дома. Но Фарах не успел это сделать. Он споткнулся обо что-то мягкое и едва не упал.

– Грязный пес! – крикнул он, решив, что наступил на деревянную дворнягу, пробравшуюся в чулан. Но, вопреки его ожиданиям, не визга, ни лая не последовало. Фарах замер на месте, потом опустился на корточки и стал шарить руками по полу. Было темно, – освящать чулан не имело смысла. Масляные коптилки и так дороги, не хватало еще тратить их чтобы посмотреть на корзины и мешки, сложенные в чулане.

Рука Фараха наткнулась на чью-то ногу, и от неожиданности он вскрикнул. Потом рванулся вперед, упал на колени и стал лихорадочно ощупывать человеческое тело, раскинувшееся на полу чулана. Холодное уже тело.

– Дед! – крикнул он. – Дед!

Старый Тейрат действительно был стар. Седьмой десяток, конечно не редкость в южных краях, но все-таки это старость. Фарах опасался, что дед может умереть в любой момент, – насмотрелся, за время скитаний, на смерть стариков. Конечно, никто не может жить вечно, этот удел уготован всякому смертному. Но Фарах надеялся в этот момент быть рядом с дедом, поддержать его, утешить. А вышло так, что любуясь на закат и предаваясь бесплотным мечтаниям, он предал единственного близкого ему человека, своего единственного родственника.

– Дед! – снова позвал Фарах, и в этот момент его руки добрались до груди мертвеца. Она оказалась широкой и мощной, совсем не старческой. Руки коснулись мокрой и липкой кожи. . . Кровь! Фарах отпрянул, но потом снова потянулся вперед и дрожащей рукой прикоснулся к лицу. Нет. Слава Энканасу, это не старый Тейрат. У деда никогда не было такой широкой бороды из жесткого волоса, аккуратно подстриженной и ухоженной. Это не Тейрат. Но где же тогда. . .

– Дед! – крикнул Фарах что было сил и вскочил на ноги.

Он бросился к внутреннему порогу, откинул его в сторону и влетел в маленькую комнату, служившую им и спальней и столовой. В ней царил беспорядок. Маленький столик на коротких ножках отброшен в сторону, и перевернут. Подушки для сидения разбросаны по полу, ковры сорваны со стен и смяты. Медная посуда раскидана по покрывалам, и лишь рядом с низким деревянным лежаком, пляшет маленький огонек коптилки, чудом уцелевшей в этом разгроме. Фарах сделал несколько неверных шагов к лежанке, чувствуя как у него все плывет перед глазами. И почти сразу же он заметил деда.

Он лежал среди разбросанных подушек, чуть в стороне от лежанки. Фарах бросился к нему, упал на колени и склонился над знакомым с детства лицом. Дрожащими руками коснулся плеча и замер.

Старый Тейрат лежал неподвижно. Глаза были закрыты, и лишь подрагивающая седая борода, говорила о том, что внутри старика еще теплится жизнь. Фарах припал ухом к впалой старческой груди. Ничего он не услышал, кроме боя крови в собственных ушах. Его сердце колотилось как безумное, грозя выскочить из груди. В висках стучал кузнечный молот, а руки сжимались в кулаки.

– Дед, – позвал Фарах теребя плечо старика, – дедушка!

Тело старика вздрогнуло, словно отзываясь на зов. Седая борода дернулась, веки затрепетали, и Тейрат приоткрыл глаза.

– Фарах. – Слабо прошептал он.

Подмастерье разрыдался. Он обхватил деда руками и приподнял его, попытался усадить, но не смог. Безвольное тело выскользвало из его рук, стремилось к земле.

– Фарах, – прошептал дед, – это ты?

– Это я! Не уходи! Пожалуйста не уходи!

– Опустим меня, – попросил дед. – Не трогай больше. Осталось немного.

– Нет! Нет! – закричал Фарах и закусил губу, стараясь сдержать слезы.

Но он все же опустил деда на пол, пошарил рукою по полу, нащупал жесткую кожаную подушечку и подложил ее под голову деда. Потом бросился в угол, подхватил уцелевший кувшин с водой и вернулся к старику. Оторвал клочок от своего халата, смочил его и протер лицо деда. Тот застонал и попросил воды. Подмастерье поискал целую чашку, но не нашел. Тогда он налил воды себе в ладонь и напоил Тейрата из рук.

– Фарах, – прошептал Тейрат, сглотнув воду. – Фарах, где он?

– Кто? – спросил подмастерье склонясь над дедом.

– Человек... Воин...

– Он в чулане. Мертвый.

Белые, бескровные губы старика искривились в бледном подобии улыбки. Он прищурился и коротко вздохнул.

– Могу, – прошептал он, – еще могу. Не ушел... Нож под рукой. Повезло.

– Что случилось? – прошептал Фарах. – Кто это?

– Нас нашли. Как неудачно... Оставался всего лишь день.

Глаза Тейрата закрылись, и он судорожно вздохнул. Фарах взвыл и принялся рвать на себе волосы, бормоча проклятья богу тьмы, света и всему миру в целом.

– Уймись, – прошептал Тейрат, не открывая глаз. – Сквернословец.

Фарах умолк. Припал к старику, спрятал лицо мокрое от слез у него на груди и обнял, словно стараясь удержать на этом свете.

– Слушай, – едва слышно выдохнул Тейрат. – Это важно. Потом. Плакать – потом. Слушай.

– Я слушаю, слушаю!

– В полночь придет человек. Северянин. Его зовут Танвар. Ты пойдешь с ним. Он увезет тебя на север. Будешь учиться...

– А ты, как же ты! Я не брошу тебя!

– Молчи. Я останусь здесь. Слушай и запоминай. Пойдешь с Танваром. Будешь слушаться его как меня. Он отведет тебя в город на севере. Мы должны были идти вместе, но придется тебе одному... Ах как неудачно вышло... Еще бы пара лет...

– Дед, – позвал Фарах. – Дед...

– Я тебе не дед, – прошептал Тейрат, – я просто спрятал тебя.

Фарах отпрянул, его брови поползли вверх. Нет, нет. Это просто бред. Дед болен ему плохо, он не понимает, что говорит.

– Никуда я не уйду.

– Уходи! Это моя последняя воля... Обещай мне... Ты уйдешь с Танваром... Ну!

Старческая рука сжала запястье внука. Крепко, до боли, словно цепляясь за последние минуты жизни.

– Я обещаю, – прошептал Фарах.

Тело старика сотрясала мелкая дрожь. Его зубы стучали, мешали говорить. Но старик не сдавался, он все еще пытался что-то сказать.

– Берегись, – пересиливая себя, выкрикнул Тейрат, и его рука разжалась. – Фарах, берегись темных! Уходи!

– Дед! – Закричал подмастерье, хватая старика за руку.

– Беги. Прячься. Я прятал тебя, сколько мог!

– Нет, не надо, пожалуйста!

– Я знаю, – выдохнул Тейрат, – ты сможешь. Сможешь. Только пока – прячься.

Глаза старика широко распахнулись и стали закатываться. В пляшущем свете коптилки блеснули белки. Из горла вырвался шумный вздох и Тейрат обмяк. Тело откинулось на подушку, рот открылся, и на губах заблестела струйка слюны.

Фарах зарыдал и обнял старика, чувствуя, как его тело еще содрогается. Остатки жизни покидали Старого Тейрата и никто не мог ему помочь. Больше никто.

Он плакал, обнимая мертвого Тейрата, которого по-прежнему считал дедом. Его сердце громко стучало, стремясь пробить ребра и выскочить наружу. Голова разрывалась от боли, а живот сводила ледяной судорогой. Он остался один. Совсем один!

Подмастерье плакал до тех пор, пока не погас огонек коптилки. Потом слезы кончились, и он лишь глухо стонал, продолжая обнимать мертвое тело старика.

2

Очнулся Фарах оттого, что в дом кто-то вошел. Почувствовав за спиной присутствие чужого, подмастерье дернулся, и стал шарить по полу. Он испугался, очень испугался. Под руку подвернулся медный кувшинчик погасшей коптилки. Подмастерье сжал его в руке и замер, напряженно всматриваясь в темноту.

Чужой человек был еще в чулане. Он гулко протопал к пологу, споткнулся о мертвеца и сдавлено выругался на северном языке. Потом в чулане тихо звякнула сталь, и Фарах догадался, что незванный гость обнажил оружие.

– Тейрат!

Фарах затаился, стараясь не дышать. Кто знает, за чем пришел чужак. Быть может, это еще один убийца. Ясно, что это не деревенский, – говорит на чужом языке и ходит с оружием.

– Тейрат, старый хрыч! Ты живой или нет?

Душно. Фарах шумно сглотнул. Душно и жарко, трудно дышать. И слезы снова выступили на глазах. Нет. Не живой. Старого Тейрата больше нет.

– Тейрат, это я, Танвар! Вылезай из своей норы!

Танвар! Фарах облегченно вздохнул. Северянин. Именно о нем говорил перед смертью дед. Наверно, уже наступила полночь, вот и появился этот гость.

– Я вхожу, – предупредил Танвар, – если мечом случайно полосну, – не обижайся. Нервный я становлюсь, когда на трупы натываюсь...

– Не надо, – хрипло крикнул Фарах по северному, – не надо мечом!

– Это еще кто...

Зашуршал полог, и подмастерье понял, что северянин вошел в дом. В темноте подмастерье рассмотрел только грузную фигуру с отставленной в сторону рукой.

– Это я, Фарах, – сказал подмастерье, сжимаясь в комок. Что если это не Танвар? Вдруг это все обман...

– Фарах? Всеблагой Энканас! Что тут у вас случилось? Где Тейрат?

– Он здесь. Он... Умер.

Северянин снова выругался, теперь уж в полный голос, завозился в темноте и Фарах услышал, как звякнул меч, возвращаясь в ножны. Потом Танвар чиркнул огнивом, темнота рассыпалась ворох искр, и в его руках появился огонек. Свеча! Настоящая восковая свеча. Фарах видел один раз такую, у старосты.

– Что здесь случилось? – спросил северянин, приближаясь к сжавшему в комок пареньку.

Выглядел он страшно. Высокий, широкоплечий как кузнец, заросший черной густой бородицей, от шеи до самых глаз. Одет в кольчугу из мелких колец, поверх накинута широкая кожаная рубаха. Фараху показалось, что так должны выглядеть разбойники, а не друзья деда.

– Ага! Вот ты где! – Сказал Танвар и присел на корточки рядом с подмастерьем.

В руках он держал свечу, прикрывая огонек широкой ладонью.

– Где Тейрат?

Фарах молча отодвинулся в сторону, и северянин издал горлом булькающий звук. Поставил свечу на пол и склонился над телом старика. Осторожно ощупал его и прижался ухом к груди.

– Мертв, – прошептал северянин. – Тейрат умер.

Потом он схватил за руку Фараха и подтянул к себе.

– Что тут произошло? – выдохнул северянин прямо в лицо подмастерью. – Кто там, в чулане?

Северянин пытался говорить на южном, но выходило у него плохо. От этого делалось еще страшней.

– Не знаю, – слабо отозвался Фарах, пытаясь высвободить руку из железной хватки северянина. – Я не видел.

– Ну!

– Я вернулся домой поздно.... В чулане наткнулся на того. Мертвого. Бросился сюда, а дед уже умирал...

– Что он сказал? Твой дед говорил о чем-нибудь?

– Нет. Сказал только, что придешь ты, и чтобы я уходил с тобой.

– А еще? Что еще сказал?

– Он сказал, что нас нашли. И что в чулане воин. И что я должен опасаться темных.

И еще...

– Ну!

– Сказал что он мне не дед.

– Это все?

– Все. Потом закричал, «беги!» И умер.

У Фараха защипало глаза, а в горле появился склизкий ком. Он шумно всхлипнул и почувствовал, как щекам катятся слезы.

Северянин снова выругался. Помянул и Бога Тьмы и Бога Огня и всех жрецов заодно. Но Фарах не слушал его. Он плакал. В груди было больно и стало трудно дышать.

– Не ной, – резко бросил Танвар, уже на северном языке. – Здоровый лоб, а ведешь себя как девчонка.

Фарах резко выпрямился, отпрянул от северянина. В самом деле. Уже полночь. Теперь он мужчина. А мужчины не плачут. Они мстят обидчикам.

– Я буду мстить, – сказал Фарах вслух. По серверному.

– Мститель, – фыркнул Танвар. – Сопляк. Быстро собирай пожитки, и убираемся отсюда.

– А как же дед?

– Ему уже не помочь. А вот нам потребуется помощь, если этот мертвец, что лежит в чулане, пришел не один.

– Он убил деда?

– Можно и так сказать. Судя по всему, они подрались. Здесь была настоящая схватка. Тейрат победил. Ему удалось пырнуть негодяя ножом. Тот бросился бежать, но далеко не ушел, рана оказалась смертельной.

– Но дед, почему умер мой дед!

– Не выдержало сердце. Он был слишком стар для таких приключений.

– Я не могу оставить его здесь, – сказал Фарах. – Нужно его похоронить. Завтра надо позвать старосту, собрать соседей...

– Какой староста, очнись малец! Нам надо бежать и как можно быстрее! Что тебе сказал Тейрат?

– Что бы я оставил его и шел с тобой.

– Вот и пошли. Быстро! Хватай, что там у тебя есть и пошли.

Фарах растеряно оглянулся по сторонам. Его мир рушился на глазах. Все что он знал, все, что любил – пошло прахом. Единственный близкий ему человек умер, а он вынужден бежать под покровом ночи, словно вор спасающийся от погони. Все запуталось, все очень запуталось...

Северянин ругнулся и отвесил подмастерью звонкую пощечину.

– За что! – крикнул Фарах мигом приходя в себя.

– Приди в себя! Пошли, или, клянусь Таграмским Храмом, я тебя заверну тебя в ковер и поташу на плече!

Фарах разозлился. Растяпа! Действительно, ведет себя как девчонка. Плачет и причитает, когда надо хвататься за оружие...

– Нож, – сказал он вслух. – Нож!

Он упал на колени и стал раскидывать подушки. Нож нашелся быстро. Выпав из ослабшей руки Тейрата, он скользнул под подушку, и затаился там. Фарах поднял его, вытер о рукав. Это был очень хороший нож. Подмастерье сам выковал его, еще полгода назад, вот только не решался носить с собой. Мальчишкам нельзя носить такое оружие – с широким клинком, в две ладони длиной, с желобком жесткости и с рукояткой из рога.

– Ага, – сказал северянин. – Понятно. Им Тейрат и прикончил мерзавца.

Подмастерье кивнул. Да. Дед, конечно, знал, где лежал нож. Во время схватки ему удалось дотянуться до оружия, и это почти спасло его. Почти.

– Отлично, – одобрил Танвар, – все как положено. А теперь хватай тряпье потеплее, деньги, если есть и пошли.

Фарах сунул нож за широкий кожаный пояс и стал собираться. Действовал быстро и уверенно. Растерянность ушла, а боль потери хоть и осталась в сердце, но пока утихла. Сейчас не время горевать. Нужно действовать.

В холщовый мешок отправилась рубаша, порты, теплый халат, одеяло. Потом пять северных марок, все сбережения. Кусок хлеба, полотенце... Минуту спустя Фарах завязал мешок длинной веревкой, перекинул ее через плечо и подтянул мешок к спине.

– Я готов, – сказал он.

Северянин одобрительно кивнул и, поклонившись мертвому Тейрату, вышел из комнаты. Подмастерье на секунду задержался. Он тоже поклонился деду, стараясь сделать это так же как Танвар. Потом вздохнул и вышел в чулан.

Там он наткнулся на северянина, который преспокойно обшаривал карманы мертвеца.

– Ты что? – удивился Фарах. – Как можно!

– Можно. И нужно. Кормить то тебя кто будет?

Подмастерье недовольно мотнул головой и вышел на улицу. Он не хотел видеть этого. Обирать мертвых... Бесстыдство!

Следом за ним вышел и Танвар.

– Туда, – сказал он. – Направо и вверх.

– К Хазиру?

– Нет, к Башмину. А потом дальше, к Масуну. Пошли, пошли. У нас впереди длинный путь, а ночь коротка. Солнце здесь встает рано.

Северянин тронул плечо паренька и зашагал в ночь. Фарах оглянулся и бросил последний взгляд на Эшмин, деревню, которую считал родной. Он знал, что эту ночь не забудет никогда. Как и обещал ему дед.

Отвернувшись, Фарах смахнул рукавом последние детские слезы и побрел за Танваром, навстречу первому дню взрослой жизни.

3

Шли долго. Всю ночь. Фарах нисколько не устал, ему было не привыкать к долгим прогулкам по горным тропам. А вот Танвар выдыхался. Северянин шел все медленнее, бормоча под нос ругательства, да такие, что подмастерье порой вздрагивал.

Они не разговаривали, берегли дыхание. Но Фараху и не хотелось говорить. Он испытывал странное ощущение: казалось из него выпили жизнь. Подмастерье чувствовал себя пустой оболочкой, тупо переставляющей ноги и не желавшей ничего знать о конечной цели путешествия. Он шел словно во сне.

Когда до восхода осталось не больше часа, они остановились.

– Хватит, – выдохнул Танвар. – Пора отдохнуть. Эти холмы меня доконают.

Он опустился на землю, скинул с плеча мешок и улегся на него как на подушку.

– Ложись, – велел северянин Фараху. – Надо немного поспать.

Подмастерье послушно опустился рядом и лег, устроившись так же как Танвар. Мешок повернулся неудачно, под головой оказался кусок хлеба и подмастерье завозился, устраиваясь удобнее.

– Дела... – протянул Танвар. – Надо же, как все обернулось. Никогда не думал, что Тейрат умрет так – от разрыва сердца...

– Ты знал деда? – тихо спросил Фарах.

– Немного. Мы встречались в Хазире. Я даже видел тебя, ты тогда был совсем пацан.

– Я тебя не помню.

– А нас и не знакомили. Я заходил к Тейрату в гости. Один раз.

– Вы были друзьями?

– Нет. Просто знакомыми.

– Расскажи мне про деда. Что вы делали в Хазире?

– Потом. Сейчас надо спать...

– Расскажи!

– Вот так всегда, пока жив никому не интересен, как помер, так сразу – расскажи...

– Танвар!

– Ладно, ладно. Только не хнычь. Твоего деда я знал плохо. Однажды я попал в знатную переделку, был на волосок от гибели. Тейрат помог, спас мне жизнь. Потом мы виделись еще несколько раз, но мне никак не удавалось вернуть ему должок. В конце концов, он взял с меня обещание, что в день твоего восемнадцатилетия я разыщу вас и проведу в Таграм, столицу Сальстана. Это долгий путь. Не то чтобы он был слишком опасный, но Тейрат плохо знал север, а я хорошо. Так что моя помощь оказалась бы кстати. А еще я был обязан ему жизнью и твой дед мог на меня положиться. Обговорив детали, мы расстались. Как я понял, именно после этой нашей встречи, вы отправились в Эшмин. Вот и все. Я человек обязательный, долги помню. Так что по прошествии пяти лет я пришел за вами, как мы с Тейратом и договаривались. Жаль только, что я не пришел раньше. Быть может я успел бы ему помочь.

Фарах закусил губу. Нет. Нельзя плакать. Нельзя. Надо мстить. Но кому? Кому мог понадобиться старик, живущий в маленькой деревне затерявшейся на юге Каван-Сара?

– Танвар, – позвал он, – а от кого мы прятались? Дед никогда не рассказывал мне об этом. Ты знаешь?

– Не очень много. Знаю, только, что твой дед всегда опасался Темных Жрецов.

– А кто это?

– Это? Еретики. Жрецы Темного Пламени. Они извращают учение нашего светлого бога Огня Энканаса. Говорят, они приносят в жертву людей во время ритуалов. Я мало о них знаю, у нас, на севере такой заразы нет. Это здесь, в Каван-Саре, их пруд пруди.

– Жрецы Темного Пламени. – Повторил Фарах. – Значит, это они виноваты в смерти деда.

– Скорее всего. Но тот мертвец не был жрецом. Это воин. Наверно – следопыт, охотник за наградой. Выследил вас и решил либо убить, либо захватить. Очень надеюсь, что он был так же жаден, как и все следопыты и пришел один, чтобы ни с кем не делиться наградой. Понадеялся на то, что справится со стариком и подростком. Но Тейрат преподнес ему сюрприз. Твой дед всегда оставался бойцом. Не знаю, кем он был в молодости, но дрался он как солдат.

– Мой дед был самым лучшим. И учителем и воином.

– Это точно. И врага завалил и тебя, вон как выучил на Северном болтать. На мою голову. А теперь давай спать. Нам завтра целый день идти. Мы должны догнать караван, идущий до Башмина. Я пришел вместе с ним, но они свернули в Альташ. Еще три дня назад. Сейчас то они уже на обратном пути, так что нам нужно их догнать. С караваном не пропадем.

– А потом, – спросил Фарах, – что потом?

– Потом я отведу тебя в Башмин. Оттуда в Масун. А оттуда уж в Таграм.

– А потом?

– Ну, не знаю. Мы с Тейратом договаривались, что я отведу вас в Таграм. Наверно он знал, что делать дальше. А теперь... В Таграме у меня много друзей. Пристрою тебя к какому-нибудь делу. А потом, извини, расстанемся. Должок я, считай, верну и, наконец, займусь своими делами.

– А я?

– А что ты. Здоровый парень. Думаю, проживешь. Если что надо будет, – помогу. Ты ремеслом то владеешь?

– Я подмастерье кузнеца!

– Ну, тем более не пропадешь. В Таграме любят кузнецов. Доспехи, оружие – это добро всегда у нас в почете. Да и обычной работы, не военной, хватает.

– А как же Жрецы? А как же месть?

– Разберешься потом, что к чему. Главное – не действуй сгоряча. Знаю я вас, южан. Кровь горячая, чуть что сразу за нож. Ты норов то попрдержжи. Целее будешь.

– Я отомщу!

– Отомстишь, отомстишь. Только сейчас – спать. Быстро заканчивай трепотню и закрывай глаза.

Фарах замолчал, послушно закрыл глаза, но тотчас же их открыл. Перед глазами стоял дед. Живой, улыбающийся дед с глиняными табличками в руках.

– Танвар, – позвал подмастерье.

– Вот суета! Спи!

– Ты знаешь что-нибудь про моих родителей?

– Нет. Зато я знаю, что если кто-то сейчас не заснет, то получит по шее. Благой Энканас! Что я так разболтался сегодня? Старею наверно. Спи давай!

Фарах уставился в звездное небо. Закрывать глаза не хотелось. Это было слишком тяжело – вновь видеть деда, живого и здорового, зная, что это всего лишь видение. Подмастерье смотрел в темные небеса, разглядывая жемчужные огоньки звезд. Дед говорил, что это капли огненной крови Энканаса, оставшиеся на небе после битвы с Тайгреном. Дед... Фарах шумно сглотнул. Конечно, он придет в Таграм, станет кузнецом, скует себе самые лучшие северные доспехи, найдет Жрецов Темного Пламени и всех их убьет. Да будет так.

4

Караван они догнали на следующий день, к вечеру. Шли быстро, не таясь, прямо по дороге. Танвар сказал, что слежки можно не опасаться, дескать, он такое дело нутром чувствует. Но Фараху показалось, что на самом деле северянин просто устал от горных тропок и решил, что по дороге будет идти удобнее. Наверно, так оно и было, но подмастерье не решился высказать свои предположения вслух.

Они шли по утоптанной дороге, ведущей от Эшмина к Башмину. Альташ, большая деревня, остался восточнее. К счастью караван, немного задержался, иначе бы его пришлось нагонять дня два.

По дороге говорили мало. Северянин не привычный к жаре, быстро устал, и постоянно прикладывался к бурдюку с подкисленной водой. В конце концов, Фарах отобрал бурдюк и сказал, что так много пить нельзя. Неожиданно северянин согласился. Теперь он брался за бурдюк только тогда, когда ему разрешал подмастерье, знавший, сколько воды нужно пить в жару.

Танвар оказался приятным спутником. Не смотря на разбойничью внешность, он сразу пришелся Фараху по душе. Северянин казался добрым и открытым, иногда до простоты. Про таких в Эшмине говорили: что на уме то и на языке и худа от них не ждали. К тому же оказалось, что северянин не так уж стар, как показалось вначале. Ему было всего тридцать лет. Конечно, по сравнению с Фарахом, он выглядел самым настоящим опытным мужчиной, воином, побывавшим во многих переделках. Но Фараху, привыкшему общаться с дедом, Танвар представлялся скорее старшим братом, нежели наставником. Так что и общались они почти на равных.

Шли быстро. Пыльная и сухая дорога сама ложилась под ноги, и казалось, звала за собой, манила в новые земли. Горы вскоре остались позади, и они вышли на холмистую равнину. Строго говоря, настоящие горы начинались от Эшмина, и простирались далеко на юг, до самой пустыни Бога Огня, где почти никто не бывал. А здесь располагались лишь большие холмы, поросшие редкой травой, жесткой как ювелирная проволока. Но северянин упорно именовал их горами, и проклинал их почем зря.

Фарах, привычный к долгим прогулкам шел ровно – не быстро и не медленно, берег дыхание и силы. Танвар же, одетый в кольчугу, изнемогал от жары и постоянно останавливался перевести дух. К счастью, подмастерье, привыкший к родным местам, догадался повязать голову северянина чистым полотенцем, захваченным из дома. Так что голову ему не пекло, но с повязкой на голове Танвар стал еще больше походить на разбойника.

К вечеру, когда солнце стало закатываться к западу, норovia нырнуть в холмы, северянин выдохся. Он остановился посреди дороги, беспомощно оглянулся по сторонам и позвал Фараха, шедшего впереди.

– Эй, парень! Фарах!

Подмастерье остановился и подождал, пока северянин его догонит.

– Вот что, – сказал Танвар. – Не могу я больше. Ты скачешь как горный козел, а я совсем выдохся. Надо сделать привал и чего-нибудь погрызть. Я уж не мечтаю вволю напиться, но горло промочить надо. Оно у меня забито пылью. Еще немного и буду ею пердеть.

Фарах улыбнулся. Шуточки северянина, которые не решился бы повторить в слух даже кузнец, – главный сквернослов деревни, – ему нравились. Он тоже был не прочь отдохнуть, и собрался уж сказать об этом спутнику, но в этот момент ему послышался странный звук. Танвар продолжал проклинать пыль и жару, шумно жаловаться на сушь, так что подмастерью пришлось схватить его за руку.

Северянин моментально замолчал, насторожился, и положил ладонь на рукоять меча.

– Что это? – шепотом спросил он, услышав, наконец, тот же звук что и Фарах. В тоже мгновение довольно ухмыльнулся, и сам ответил на свой вопрос:

– Это же быки!

Подмастерье согласно кивнул, мысленно выругав себя за то, что сразу не узнал звуки. Это действительно были южные быки, – большие рослые животные, заросшие густой рыжей шерстью. Они были очень сильны и неприхотливы, за что весьма ценились. В Эшмине их не держали, деревня не настолько богата, но Фарах уже видел этих животных, правда, давно – лет пять назад, во время путешествия на юг. Надо же, их голос.

– Пошли, – подхватился Танвар, – давай быстрее. Это караван, мы его догнали!

Он вскинул на плечо мешок, поправил полотенце на голове и решительно зашагал по дороге. Казалось, у него открылось второе дыхание. Вся его усталость пропала, и теперь Танвар выглядел посвежевшим, словно и впрямь напился досыта холодной воды.

– Идем! Да побыстрее, растяпа! У меня место в караване оплачено, и припасы отложены. Если только их еще не сожрали эти жадные дети собак.

Подмастерье улыбнулся и поспешил за спутником. В самом деле, если погонщики добрались до запасов северянина, то им придется не сладко. Судя по всему, Танвар был скор и на слова и на дела.

Караван они увидели сразу, едва свернули за очередной холм. Десять быков, две повозки и восемь человек – вот и весь караван. Что и говорить, не много. Фараху доводилось за время скитаний видеть караваны и по двадцать, тридцать повозок, но здесь, в краю деревень, и две повозки – караван.

Погонщики разбили лагерь у подножия большого холма. Между двух повозок разожгли костер, и теперь люди сутились у него, деловито переговариваясь. Быки стояли спокойно, но порой издавали утробные звуки, словно жаловались на свою нелегкую судьбу. Их то и слышали путники.

Танвар шел быстро, почти бежал, и подмастерье едва поспевал за ним. Караванщики, заметив путников, сначала всполошились, схватили из повозок оружие, но, видя что гостей всего двое, успокоились.

У самых повозок Танвар сбавил ход и подождал Фараха.

– Слушай, – сказал он, – они по северному плохо лопочут. Ты уж пообщайся с ними, смотри, чтоб нас не обжулили. Тут только зазевайся, мигом без порток останешься. И поменьше трепись о том, куда идем. И о смерти деда – никому не слова! Идешь со мной в Башмин на базар и вот и все дела.

Фарах кивнул, и они неспешно подошли к костру. Шли нарочито медленно, не торопясь, подчеркнуто держа руки на виду. В последнее время на трактах пошаливали разбойники, поэтому не стоило понапрасну волновать караванщиков. Они стали около костра, вглядывались в гостей и держа оружие наготове – кто деревянную пику с дрянным медным наконечником, доставшуюся от деда, кто палку окованную железом, кто нож. Всего их было восемь.

В сгущавшихся сумерках Фараху было плохо видно их лица, но крайнего слева он сразу признал – по халату. Халат знатный: толстый, с двойным воротом, сшитый из зеленых и красных клочков материи. Ужасен на вид, и одеть его мог только Хасир – торговец из Башмина, иногда заглядывающий в деревню Фараха. Сам Хасир считал, что халат замечательный и не расставался с ним ни на день.

– Хасир! – крикнул подмастерье, подходя к костру. – Хасир, это вы?

Обладатель примечательного халата подался вперед, опустил дубинку и вгляделся в темноту.

– Фарах? Молодой кузнец! Ты ли это!

– Я!

– Хо! – крикнул торговец. – Почтенные, опустите оружие! Я знаю этого мальчишку!

– А я, – северянина. Это он обыграл меня три дня назад в кости! – подал голос один из караванщиков. – Эту бледную шкуру зовут Танвар.

Северянин, державшийся поодаль, услышав свое имя, заулыбался и ткнул себя пальцем в грудь.

– Подходите гости, подходите, – заволновался Хасир. – Садитесь к костру! Ночь на дворе, не след в одиночку бродить в темноте!

Караванщики повеселели, загомонили, наперебой приглашая путешественников присоединиться к ужину.

Танвар и Фарах подошли к костру и разделились. Подмастерье уселся рядом с Хасиром, а северянин сел с другой стороны костра, рядом с знакомым караванщиком. В руках у него моментально появился бурдюк с кислым Башминским вином и глаза его радостно заблестели.

– Каким ветром тебя занесло так далеко от Эшмина? – Поинтересовался Хасир, присаживаясь рядом с подмастерьем.

– Иду в Башмин, – ответил Фарах. – С Танваром. Это друг деда, надо его проводить.

– Уважишь гостя, и тебе почет и ему радость, – согласился торговец. – Вот, возьми.

Он потянулся к сумкам, и добыл из них большой кусок сыра и мягкую хлебную лепешку. Фарах с благодарностью принял еду. Хасир шумно булькнул – рассмеялся. Выглядел он отвратно: толстый, заплывший жиром, с огромной бородавкой на подбородке... Халат едва налезал на его огромное тело. Подмастерье с неприязнью посмотрел на руки торговца. Пальцы – словно колбасы, толстые, безволосые... Таким людям нельзя доверять. Толстым, шумным, показушно добрым. Но сейчас, увы, это единственный знакомый ему человек среди караванщиков.

– Как там поживает Старый Тейрат? – поинтересовался торговец, шумно отдуваясь. – Все чертит буквы?

– Да. Чертит. – Ответил Фарах, надеясь, что в темноте не видно его покрасневших щек. Лгать он не умел. Знал, что так надо, Танвар его предупредил, но ему никогда еще не приходилось так поступать.

– Не смог к вам заглянуть в этот раз. Дела. – Важно сказал Хасир. – Думаю, в следующем месяце доберусь и до Эшмина. Какие у вас там новости?

– Да никаких, – ответил Фарах, жалея, что сел рядом с торговцем. Теперь придется весь вечер врать напропалую, чтобы уйти расспросов. К счастью, подмастерье знал безотказный способ отвлечь внимание торговца от собственной персоны. Этому его научил дед, еще во время путешествия на юг.

– Уважаемый Хасир, как идет торговля? – спросил подмастерье и впился зубами в твердый сыр.

– Торговля? Хо! Дети собак напели главе Башмина, что торговцы хорошо живут! И он снова поднял налог на продажу шкур. А какой тут налог, и так едва-едва отбиваю вложенные деньги!

Хасир возмущенно всплеснул руками и обрушил на подмастерья поток жалоб и причитаний. По его словам торговля шла из рук вон плохо. Он жаловался, что налоги растут, а доходы падают. Что в деревнях не покупают ничего, потому что тоже платят налоги. Что стражники в Башмине окончательно обнаглели и требуют за вход в город аж целую северную марку. Что разбойники совсем распустились и нападают на караваны среди бела дня...

Фарах слушал этот поток торгового красноречия, иногда кивая и не забывая вгрызаться в сыр. Ему не впервой было выслушивать подобные жалобы. Подмастерье знал, что отведя душу, торговец начнет распространяться об упущенных выгодных сделках, валя вину на недобросовестных конкурентов, потом перейдет к неурядицам в семейной жизни, а потом

расскажет самые свежие слухи Башмина и его окрестностей. Так и должно быть. Не часто торговцу попадаются люди, готовые его выслушать.

Так что подмастерье спокойно ужинал, временами посматривая в сторону северянина. Тот сидел у костра рядом с караванщиками, довольно посмеивался и выглядел довольным. Видимо все его вещи остались целы. Караванщики затеяли игру в кости, и Танвар принимал в ней активное участие, хотя его запас «южных» слов был не очень велик. Разговаривал он с жутким акцентом, но, судя по всему, ни самого северянина, ни его партнеров по игре, это не смущало. Ловко пользуясь известными словами и помогая себе жестами, Танвар прекрасно общался с караванщиками и, похоже, даже выигрывал. Во всяком случае, погонщики часто костерили его на все лады, пользуясь тем, что удачливый игрок плохо знает южный язык.

Когда время подошло к полночи, Фарах заснул, так и оставшись сидеть на подушке с горбушкой хлеба в руках. Он так сильно устал за день, что ему не помешали ни словоизлияния Хасира, ни ругань караванщиков.

Разбудил его Танвар. Северянин толкнул его в плечо и указал на одеяло, расстеленное у костра. Фарах оглянулся по сторонам и увидел, что все уже устроились на ночлег: кто у костра, кто у быков. Лишь один из караванщиков уселся на край повозки, спиной к костру. Ему предстояло дежурить полночи – охранять сон товарищей.

Фарах улегся на одеяло, уже привычно подтянул под голову мешок и уснул, успев услышать, как рядом устраивается на ночлег Танвар.

5

На следующее утро, караванщики поднялись рано. По холодку, пока благословенный дом Энканаса еще не взошел, они свернули лагерь, и приготовились тронуться в путь.

Танвар и Фарах помогали торговцам собираться. Когда все вещи уложили, а быков навьючили тюками, друзья устроились в одной из повозок, на том самом «оплаченном» Танваром месте. Северянин сел рядом с погонщиком, а Фарах удобно устроился у высокого борта, сплетенного из крепких сухих прутьев.

Сотворив утреннюю молитву Энканасу, об удачной дороге, караванщики подхлестнули быков, и караван тронулся в путь. На одном из быков восседал Хасир, – считалось, что именно он вел караван. Хотя на самом деле вел его Сасар – худощавый и жилистый погонщик, сидящий на втором быке. У него не было своего товара, но он хорошо знал дорогу и брал плату за то, что служил проводником. Следом за ними шла первая повозка, нагруженная так и не проданной материей. За ней катилась вторая, пустая. В ней то и устроились Танвар и Фарах. Хозяин повозки и двух быков, запряженных в нее, удачно продал свой товар и теперь пребывал в благостном расположении духа. К тому же ему удалось обыграть Танвара в кости, прошлой ночью, так что торговец, назвавшийся Масаром, весьма радушно относился к попутчикам. Он пытался болтать с Танваром, иногда обращаясь за помощью к Фараху, – тот переводил для северянина сложные фразы.

Следом за повозкой тянулись остальные быки, навьюченные мешками и тюками с разнообразным товаром. Некоторые погонщики шли рядом с быками, другие устроились поверх своей клади. Фарах так и не познакомился с ними, но об этом не жалел. Сейчас он думал о том, как сохранить в тайне то, что его дед мертв. Тут уж не до знакомств и не до разговоров – не проболтаться бы.

Еще два дня назад весь мир казался ему простым и понятным. Он знал свою судьбу наперед. Знал, что, став мужчиной, мог рассчитывать на свой новый дом. Знал, что через год или пусть даже через два, он стал бы вторым кузнецом. Потом Фарах привел бы к деду свою избранницу – Фаие, первую красавицу Эшмина. Дед бы усмехнулся в бороду и благословил молодых. Староста повез бы их в Башмин – к Жрецу Огня, чтобы тот связал молодых узами брака. Уж расстарался бы для нового кузнеца, да для учителя. А по приезду из Эшмина, для молодой семьи начали бы строить дом. Всем миром, как и полагалось. У них с Фаие родился бы мальчик – шустрый смуглый малец, наследник. Умный и красивый. А потом, Фарах стал главным кузнецом Эшмина. И чем не шутит судьба, – быть может, его пригласили бы в Башмин. А потом...

Да. Так могло быть. Но судьба выбросила черные кости. Из уважаемого подмастерья кузнеца, Фарах превратился в беглеца. Деда убили – предательски, в ночи. Напасть на беззащитного старика, что может быть хуже! На такое способны лишь падальщики, дети собак. Мир перевернулся. И теперь Фарах не знал куда ему бежать, что ему делать. Будущее туманно. Больше всего Фараха пугало то, что он не знал от кого ему прятаться. Танвар уверял, что за стариком и внуком охотились Темные Жрецы. Но почему бы тогда не обратиться за помощью к старосте? Или, раз уж они едут в Башмин, к Жрецу Огня? Подмастерье задавал себе все новые и новые вопросы и не находил на них ответов.

Впереди лежал долгий путь, времени для размышлений было предостаточно. Покачиваясь в повозке и прижимаясь щекой к теплым прутьям борта, подмастерье порой кидал взгляд на спину северянина. Тот все еще болтал с Масаром. Похоже, запас тем для общения не иссякал. Фарах думал, как бы поговорить с северянином, так чтобы никто им не помешал. Но как тут поговоришь – в дороге то. Разве что на привале.

Но в обед привал делать не стали. Поели на ходу, – быки шли медленно, размеренно, и можно было спокойно кусать хлеб и сыр, не опасаясь прикусить язык.

После еды, Танвар перебрался к Фараху и улегся рядом, прямо на тюк с материей. Масар сначала заволновался, но потом махнул рукой: мол, отдыхай дорогой гость, ничего для тебя не пожалею.

Танвар же придвинулся ближе к Фараху и стал расспрашивать его о житье в деревне. Подмастерье отвечал вяло, неохотно. Его злило то, что он не мог расспросить Танвара о том, что его интересовало. Фарах подумал о том, что если разговаривать на северном языке, то никто их не поймет. Но также понимал, что подобные разговоры не для чужих ушей. Торговцы, они народ ушлый. Может, и не смогут составить прошение саддину на северном, но наверняка смогут разобрать чужой разговор. К тому же Фарах не знал погонщиков. Быть может, кто-то из них действительно знает северный язык.

Танвар же не замолкал ни на минуту: то принимался петь грубые северные песни, то расписывал достоинства кабаков Таграма, то пытался объяснить Фараху разницу между ножом и кинжалом.

Наконец подмастерье не выдержал. Резко наклонился к северянину, ухватил его за ворот кожаной рубахи, от которой нестерпимо воняло потом, и прошептал:

– Танвар, надо поговорить...

Северянин громко расхохотался, заглушив последние слова Фараха, и грубо отбил его руку в сторону. Но в туже секунду переменялся в лице, став серьезным и собранным.

– Потом. – Быстро шепнул он. – Вечером.

Через мгновение перед Фарахом снова оказался весельчак и болтун Танвар. Он широко улыбался, почесывался и жаловался на жару.

Фарах через силу улыбнулся, подыгрывая северянину и беззвучно выругал себя последними словами. Конечно, как можно так рисковать! Танвар наверняка все продумал заранее. Его напускное веселье, шутовство – лишь маска. Никто из караванщиков и помыслить не мог, что этот шумный северянин от кого-то скрывается. Перед ними предстал обычный северный варвар – невоспитанный и прожорливый, как и все сальстанцы. Съездил к знакомому в Эшмин, теперь возвращается обратно. Даже с провожатым. Не чужак, – знакомый знакомого уже почти друг. Безопасное трепло, жизнерадостное и шумное. Гораздое только языком трепать. А то, что меч на боку, так как же в дальней дороге без оружия. Нынче без этого не обойтись. Сами бы обзавелись, да не на что.

При всем при том, только сейчас Фарах сообразил, что хоть Танвар и не умолкал ни на минуту, ничего важного он так и не сказал. Ни кто он, ни откуда пришел, ни куда направляется. Из северянина как из дырявого мешка сыпались байки, сплетни, неприличные песенки, и больше ничего. Ни слова о нем самом и о Фарахе.

Подмастерье взглянул на своего путника по иному, с уважением. Только теперь он понял, почему дед выбрал провожатым северянина. Танвар не просто боец, и не обычный проводник. Он опытный путешественник. Знает о чем можно говорить, о чем нельзя. Когда надо улыбнуться, а когда пригрозить. Кем бы он ни был на самом деле, наемником, воином, следопытом – дело свое он знал хорошо.

В Фарахе проснулась уверенность, что с Танваром он не пропадет. Что на него можно будет опереться в трудную минуту. Что его спутник, теперь единственный близкий ему человек.

Подмастерье украдкой нашупал локоть северянина и крепкого его сжал, показывая, что все понял. Танвар подмигнул ему и затеял рассказ о западных землях, где он якобы не раз бывал.

И вовремя. Масар, уже прислушивавшийся к разговору, ослабил поводья и повернулся к пассажирам. Скучно править повозкой – дорога ровная, быки идут медленно. Работы для погонщика немного, – знай, поглядывай на дорогу, да жуй сушеное мясо.

Танвар рассказывал о западе на северном языке, но Масар слушал внимательно и улыбался в нужных местах. Как и подозревал Фарах, погонщик знал северный. Плохо, так же как Танвар южный, – но знал. Не зря же Масар проболтал с северянином пол дня – значит кое-что понимал.

Тем временем спутник Фараха не смолкал ни на минуту. Рассказывал он про государство Леаран, что лежало к западу от Каван-сара. Да так ловко и складно рассказывал, что Фарах даже заслушался. Нет, конечно, подмастерье знал о Леаране, в конце концов они с дедом долго жили в Хазире, что стоял на границе с западным государством. Но Фарах плохо помнил те годы. В памяти остались только сами леаранцы – высокие и смуглые мужчины в одеждах непривычного покроя. Они вечно куда-то спешили, были озабочены только получением прибыли, но при этом не забывали засматриваться на молоденьких жительниц Хазира. Еще Фарах помнил, что почти все леаранцы усаты – пушистые длинные усы, расчесанные и напوماженные, являлись предметом гордости леаранцев. Южане их так и называли – усачами. При этом подбородок они выбривали начисто, что с точки зрения каван-сарцев совершенная глупость. Всем известно, что борода гордость настоящего мужчины. И добровольно лишаться ее – немыслимо! Так что в памяти Фараха леаранцы остались усатыми, жадными до денег и женщин, чужаками. Сейчас то он знал, что в Хазир приезжали в основном торговцы, а эта братия везде одинакова, – что в Сальстане, что в Каван-саре, что в Леаране.

Но Танвар рассказывал совсем о другом. Он делился воспоминаниями о своем визите в Леа – столицу западного государства. Разумеется, этот город-гавань являлся достопримечательностью всей страны. Больше нигде в трех государствах не было выхода к морю, а весь западный край Леарана – побережье. Море.... Фарах слушал рассказ северянина о море и никак не мог взять в толк, откуда взялось столько воды в западном крае. Нет, конечно, он знал про море, – дед не раз рассказывал ему про берег, волны... Даже рисовал карту трех государств, вдалбливая в голову непоседливому внуку основы географии. Но Фараху море всегда представлялось как большой пруд – неподвижная гладь до самого горизонта. Танвар же рассказывал о штормах, о волнах, о приливах и отливах, об огромных кораблях, качающихся на гребнях белой пены.... Да, Леаран всегда славился кораблями. Это единственное государство из трех стран, что имело свой флот. Даже речной флот у них был, – леаранские корабли ходили и по Великой реке. Но, конечно, они сильно отличались от тех, что плавали по морю. По словам Танвара выходило, что это громадины из лучшей древесины, гонял по воде ветер. Фарах не мог себе этого представить, но его заворожила картина, нарисованная северянином: огромная лодка, размером с дом, несется по воде, переваливаясь с одного водяного бугра на другой.

Танвар, тем временем, принялся воспевать столицу – ее красоту, развлечения и, разумеется, кабаки. По словам северянина, основное богатство Леарана таилось в море. Рыба, жемчуг, кораллы – все это Леаран добывал из воды и продавал государствам-соседям. Это Фарах знал. Он помнил, как ценилась валяная леаранская рыба. Конечно, до Эшмина она не доходила, кто же повезет рыбу в маленькую деревню на окраине Каван-сара, но подмастерью доводилось пробовать ее в Хазире. Там то все с ума сходили по рыбе. Именно по морской, леаранской. А в жемчуге Фарах не разбирался, но знал, что украшения из него ценятся высоко.

Развлечений, по словам Танвара, на западе тоже хватало. Леаран это страна торговцев – ушлых ребят, что не сеют, не жнут, но перепродадут все, что только можно и даже то, что нельзя. Каждый город Леарана жил самостоятельной жизнью, а правила в них самые

богатые торговцы. Города сильно отличались друг от друга, соответственно и развлечения в них были самые разнообразные.

Ко второму часу рассказа, когда северянин добрался до вин Леарана Фарах не выдержал и уснул. Уже засыпая под мерный говор Танвара, подмастерье подумал о том, сколько же этот болтун способен говорить. Пожалуй, если не остановить – до самого вечера будет расписывать прелести Леарана. На самом деле, Фарах с удовольствием послушал бы про Сальстан, северное королевство, куда они направлялись. Но Танвар наверняка не спроста завел разговор о Леаране. Пусть караванщики запомнят, как он рассказывал о западе. Может, если их спросят, и ответят, – видели двоих, говорили о Леаране. Ложный след...

Разбудил Фараха Масар. Солнце, огненный дом Энканаса, клонился к западу, уходя в гости к тем самым леарнцам.

– Вставай, – сказал Масар. – Ночью спать не будешь.

Фарах потянулся, приподнялся и огляделся. Повозка опустела, северянин куда-то пропал. Но секунду спустя из-за спины донесся раскат знакомого смеха и Фарах обернулся. Оказывается, лишившись своей аудитории, северянин перебрался в другую повозку, и устроил небольшое представление там. Подмастерье увидел, что на повозке сидят аж трое погонщиков, не считая хозяина, чьи быки шли последними, послушно следуя за караваном проторенным путем.

Подмастерье не стал звать Танвара. Размяв затекшие ноги, Фарах принялся мечтать о том, что когда-нибудь приедет в Леаран и покатается на самом большом морском корабле. Потом он стал думать о деде, о дороге на север... Так и прошел остаток дня.

Когда стемнело, караван остановился. Настала пора устраиваться на ночлег. Караванщики быстро согнали быков в круг, привязали их к повозкам и стали разводить костер. Деревя в округе немного, поэтому в каждом караване везли большой мешок с углем. Он то и составлял основу костра. Обычно, поверх угля бросались заранее припасенные поленья дерева Тас – его плотная древесина горела медленно, но жарко. Пары поленьев хватало надолго, на полночи, а то и на всю. Конечно, на таком костре не приготовишь похлебки, но он давал достаточно света, чтобы отогнать ночных демонов и привлечь внимание благого Энканаса. В ночи без огня нельзя. Темнота не прощает ошибок. Во время пришествия Тайгрена, когда Энканас отдыхает, каждый путник, оказавшийся в необжитых землях, обязательно должен поддерживать огонь, иначе рискует нажить крупные неприятности. Энканас может отвернуться от него, а без его благоволения дела могут пойти совсем худо. В больших караванах под поленья и уголь выделяли один, а то и два специальных воза.

Пужинав скромными запасами, выкупленные Танваром у караванщиков, Фарах отправился спать. Хоть днем ему и удалось выспаться, его неудержимо клонило в сон. Подмастерье устроился у большого колеса повозки Масара, подложив на сухую землю одеяло. Танвар же остался у костра, с караванщиками. Но на этот раз он не стал играть в кости, ограничился ролью наблюдателя. Не прошло и получаса, как северянин поднялся и, пошатываясь, отправился к Фараху. Караванщики проводили его шумными криками, и подмастерье понял, что его спутник пьян. Видимо, не принимая участия в игре, он позволил себе хлебнуть лишку, и поэтому пораньше отправился спать. Фарах обижено поджал губы. Хоть бог Огня и не запрещал употреблять вино – в отличие от дурман-травы, но пьяниц не любили нигде. Разум – самый ценный дар изначальной силы, данный человеку. Затуманив его, пьяница тем самым отказывается от дара, добровольно лишаясь права зваться мыслящим существом, уподобляясь глупым животным, не получившим такого дара от творящей силы. Это пол беды – от северного варвара не приходилось ждать ничего иного. Но Фарах рассчитывал поговорить сегодня с Танваром об их будущем. И то, что северянин напился, его расстроило.

Добравшись до повозки, Танвар тяжело опустился, почти упал, на землю рядом с Фарахом. Подмастерье отодвинулся, не желая разговаривать с пьяным спутником. Танвар же ловко подгрел под голову мешок Фараха и довольно рыгнул. После этого тихо выдохнул:

– Говори.

Фарах недоуменно взглянул на спутника. Голос у него был совершенно трезвый.

– Быстрее, – прошипел Танвар.

Фарах осторожно подвинулся к приятелю, и аккуратно пристроился рядом, голова к голове. Теперь его мешок играл роль подушки – одной на двоих.

– Танвар, – тихо сказал подмастерье. – Почему мы прячемся?

– За тобой охотятся. Кажется, это не требует доказательств.

– Но почему мы таимся от караванщиков? Быть может они помогли бы нам, если бы знали...

– Они могут навести на наш след охотников за наградой. Случайно или нарочно, – но могут.

– Но они и так нас запомнят. Твои разговоры...

– Запомнят. Но если мы будем вести себя как беглецы, то они, конечно, заинтересуются – почему. Возможно, в Башмине они расскажут об этом друзьям и знакомым, а те своим друзьям и знакомым. В конце концов, слухи дойдут до тех, кто ими заинтересуется. А нам этого не надо. Пока что мы обычное явление – путешественники. Может, о нас и упомянут, но как о чем-то обычном и мелком. Вряд ли даже имена запомнят.

– Но зачем такая таинственность! И почему мы должны опасаться башминцев? Быть может наоборот...

– Что, наоборот? – резко перебил Танвар.

Фарах смутился и замолчал. Он полагал, что Танвар все ему объяснит, успокоит. Но северянин кажется не собиравшись этого делать.

– Что мы будем делать, когда доберемся до Башмина? – спросил подмастерье.

– Найдем попутный караван и отправимся в Масун – столицу Каван-Сара.

– А может...

– Что?

– Может, обратимся к Жрецу Огня в Башмине? Он наверно сможет защитить нас от преследований. Особенно если мы расскажем ему про Жрецов Темного Пламени.

– Дурак, – коротко отозвался Танвар. – Деревенский дурачок.

Фарах обиженно засопел. Ему не нравилось, когда его так называли. Неумный человек – обидные слова для того, кто знает счет и грамоту. Захотелось отвернуться и замолчать. Но подмастерье пересилил себя и снова обратился к северянину:

– Почему?

– Потому что нельзя, – веско отозвался Танвар. – Едва ты упомянешь Темных Жрецов, тебя посадят в подвал, а потом в кандалах отправят в Масун, где тобой займутся Жрецы повыше рангом. Вряд ли ты выйдешь живым из их рук.

– Но почему?

Северянин тихо выругался, грубо и зло.

– Проклятье, – сказал он, отведя душу. – Не хотел тебе говорить, но видно придется. Я бы предпочел забыть об этой истории и не хотел тебя впутывать в нее.

– Какая история?!

– Тише, что ты орешь, как укушенный. Слушай и молчи. То, что я сейчас скажу, ты выслушаешь и постарайся забыть навсегда. Никогда и ни с кем не говори об этом. От этого зависит твоя жизнь. Именно твоя.

Фарах поерзал на месте стараясь устроиться поудобнее и не пропустить ни слова из рассказа северянина. Он был так заинтригован, что даже затаил дыхание.

– Прежде всего, забудь о своем дед. Забудь о Тейрате и никогда больше не произноси этого имени.

Фарах дернулся, желая ответить грубостью, но северянин ухватил его за руку и крепко сжал.

– Я же сказал, – молчи. Я сам не очень хорошо знаю эту историю. Расскажу самое главное, и надеюсь, ты все поймешь. Первое, что тебе нужно знать – за тобой и за твоим дедом охотятся и Жрецы Огня. На кого работал тот воин, которого зарезал твой дед я не знаю. Не исключено, что он действовал по наущению башминских жрецов. Не знаю, случайно ли он вас нашел, или ему кто-то подсказал, где искать Тейрата. Но теперь тебе лучше всего сменить имя и придумать себе новую родню. Тебе нужно спрятаться и как можно скорее уехать из Каван-Сара.

– Почему? – прошептал Фарах. – Мы же не бандиты!

– Ох, чую, пожалею еще, что затеял этот разговор. Клялся ведь старику, что никому не скажу. Но ты же молодой, горячий. Смолчу, – так наворотишь ты таких дел...

– Ну!

– Тише. Ладно, слушай. Твой дед, Тейрат, был жрецом Темного Пламени. Тише, тише! Не дергайся. Слушай внимательно, повторять не буду: да, Тейрат действительно общался с темными. Тогда он жил в Хазире – именно там я с ним и познакомился. У меня возникли разногласия с одним очень наглым Жрецом Огня – пришлось порядком проредить ему зубы. Такого жрецы не прощают, пришлось скрываться. Твой дед был свидетелем этой ссоры. Он нашел меня и предложил свою помощь. Деваться было некуда, по всему Хазиру меня искали жрецы огня, пришлось довериться своему деду. Тейрат укрыл меня, воспользовавшись тайными убежищами Темных. Больше никого из них я не видел, ну и хвала Энканасу. Тогда то мне было все равно, кто меня спасет, но теперь я понимаю... Ну да ладно, то дело прошлое и тебя не касается. Слушай, значит, дальше. Оказалось, что твой дед готовился бежать. Он вроде как раскаялся и собирался уходить от Жрецов Темного Пламени. Тогда-то он и взял с меня клятву, что я помогу вам добраться до Таграма, когда ты вырастешь. Честно говоря, клятву, данную темному жрецу, я бы нарушил. Но Тейрат раскаялся и не хотел зла. Вообще не понимаю, как он очутился у Темных. Но, так или иначе, вышло, что он дважды изменник. Жрецы Огня ищут его, чтобы казнить как еретика – и, между прочим, тебя тоже. Темные тоже ищут его, они не прощают измены. За пять лет ничего не забудут. За этот срок жажда мести не утихает, наоборот, как раз в самом разгаре. Тейрат поступил мудро – забился на самый конец света и жил тихо. Кстати, когда мы познакомились, звали его по-другому. Но то имя я, как и обещал, забыл, а тебе и знать не зачем. Вот и выходит, что тебе нельзя к Жрецам Огня обращаться. И к старостам и к саддинам. Сначала всплывет история с темными, потом имя твоего деда и ты отправишься на костер. Да и я заодно. Если только раньше, пока мы будем сидеть в темнице, нас не навестят Жрецы Темного Пламени. Да тише ты! Не сопи! И так вон, толстяк на нас поглядывает. Не иначе в дурном заподозрил... ты у нас такой красавец...

– Тьфу на тебя! – тихо сказал Фарах. – Сквернословец. Скажи лучше, дед действительно раскаялся?

– Не знаю. Я с ним после того пять лет не виделся. Тебе лучше знать.

Фарах закрыл глаза, и лежал молча, переваривая услышанное. Еще днем ему казалось, что привычный мир разлетелся на куски и что он никогда не привыкнет к этому. Сейчас от тех кусочков не осталось даже пыли. Дед – Жрец Темного Пламени. Еретик. Не может быть! Он же учил внука молитвам, наставлял его в деле сохранения Огня, славил всеблагого Энканаса...

– А ты не ошибся? – тихо спросил Фарах. – Танвар, это правда?

– Правда. И это все что я знаю. И никак не могу взять в толк, почему старику приспичило переезжать на север именно сейчас. Ну, то, что на одном месте долго сидеть опасно,

это понятно. Да и тебе надо вырасти. Но почему он не сделал этого сразу? Почему только сейчас? А! Кажется, понял. Наверно знал, что в Таграме его будут искать в первую очередь.

– Танвар! Танвар, пожалуйста, ну скажи что ты пошутил!

– Да тише ты, сын собаки! Все! Забудь то, что я рассказал. И когда приедем в Башмин, первым делом расстаемся с караваном и бежим на север.

– Но что я буду делать в Сальстане?

– Там разберемся. Пока нам нужно туда добраться. Желательно – целыми и невредимыми.

– Почему ты так возишься со мной? Зачем тебе все это?

Танвар хмыкнул. Почесал подбородок, подергал себя за бороду.

– Знаешь, – сказал он, наконец, – ты наверно не поймешь. Понимаешь, у меня ничего нет. Ни денег, ни звания, ни титула, ни дома... Ничего. У меня есть только честное слово и мое имя. И еще никто не мог сказать, что я не сдержал слово и запятнал имя. Это единственные мои богатства и я оберегаю их более ревниво, чем саддин Масуна свой гарем. Ни один человек, ни в Каван-Саре, ни в Сальстане, ни в Леаране, не может сказать, что Танвар нарушил данное слово. Я обещал доставить тебя и Тейрата в Таграм. И я сделаю это. С твоим дедом, конечно, плохо вышло. Но это от меня не зависело. А уговор я выполню. Любой ценой.

– А дальше, что дальше? Как мне жить?

– Это уж, парень, разберемся на месте. Не трусь. Не пропадешь. Здоровый уже вымахал. Привык, что дед о тебе заботился. Теперь привыкай жить собственным умом. Ничего, все наладиться.

Фарах не отвечал. До боли закусил губу и постарался сдержать крик. Судьбы несправедлива. За что? За какие грехи! Неужели благой Энканас воздаст по заслугам грешнику Тейрату и семейству его? Но ведь дед раскаялся! А Энканас добрый, он принимает раскаянье, прощает заблуждавшихся.

– Ты это, – тихо сказал Танвар. – Не переживай. Прости ежели чего. Я человек прямой. Ты сейчас ничего не говори. Отворачивайся и спи. У тебя впереди много времени. Придумаешь еще что-нибудь. Только поумерь свой пыл. Учись быть выдержанным. У тебя же все на лице написано – что ты думаешь и какими словами. Пропадешь ведь, в большом мире.

– Я постараюсь, – прошептал Фарах.

Да. Выхода нет. Нет возврата к прошлому. Остается только смириться и, стиснув зубы, начинать жизнь с самого начала. Заново. Словно и не было никогда деда и южной деревеньки, ставшей для него родным домом.

– Спи, – сказал Танвар. – Спи. Вон толстяк на нас пялиться. Была б моя воля, сунул бы я ему железо меж ребер. Мертвые не болтают.

Фарах осторожно глянул в сторону костра. И в самом деле, – Хасир поглядывал в их сторону. То ли волновался за внука Тейрата, то ли, в самом деле интересовался разговором.

Подмастерье потянулся и повернулся к северянину спиной. Устроился поудобнее на одеяле и закрыл глаза.

– И то дело, – шепотом сказал Танвар.

Вопреки всем ожиданиям, Фарах действительно быстро заснул. Вернее провалился в черную бездну отчаянья, где его ожидали кошмары.

6

Следующие три дня прошли в унылом однообразии дороги. Фарах сидел на повозке, болтал с Танваром, улыбался караванщикам и старался как можно глубже спрятать свою боль.

О планах больше не говорили. Вечером северянин играл в кости с торговцами, пил с ними вино, расплачиваясь деньгами неудачливого охотника за наградой. Фарах же обычно сразу укладывался спать. На фоне бесконечной и скучной дороги, сон выглядел желанным разнообразием, чуть ли не развлечением.

Перед тем как заснуть, молился. Взывая к Энканасу, Богу Огня, подмастерье молил его о прощении. Фарах страстно желал только одного – чтобы Энканас простил его деда и подарил ему счастливое посмертие. И чтобы позволил недостойному Фараху начать жизнь сначала и заслужить прощение служением делу Огня. Вознося молитвы, Фарах искренне верил в то, что Энканас его услышит. Не мог всеблагой пропустить искренние молитвы, никак не мог. И каждый вечер, помолившись, успокоенный Фарах засыпал с чистой совестью. Но днем, размышляя о своей судьбе, подмастерье приходил в отчаянье. Ему казалось, что все напрасно, и что его жизнь кончена.

Дорога казалась бесконечной. Единственным развлечением служили рассказы Танвара. Бойкий на язык северянин не уставал рассказывать разом о десятке вещей, мало связанных друг с другом. Фарах же жадно впитывал все услышанное, стараясь отличить выдумку от правды.

А правды было довольно много. Судя по всему, Танвару доводилось бродить и по лесам Сальстана и по горам Каван-Сара и по долинам Леарана. Конечно, не все его слова следовало принимать за чистую монету. Особенно подмастерье сомневался в количестве якобы выпитого северянином вина. Но вот рассказы о других странах Фарах слушал с жадностью.

Оказалось, что он совсем не знал мир. Конечно, Фарах знал, что Каван-Сар на юге, Сальстан на севере, Леаран на западе, а на востоке раскинулись непроходимые леса. Знал, что в Сальстане, например, правит не саддин, как в Каван-Саре, а король. И что у короля есть советники и министры. Но даже не подозревал о том, что Жрецы Огня имеют очень малое влияние на короля. Так же Фарах с удивлением узнал, что в Леаране каждый город считается главным. Что в каждом есть совет самых богатых людей, и он определяют жизнь остальных. Как города договаривались между собой, Фарах так и не понял, в основном из-за того, что Танвар сам затруднялся это объяснить. Его, как обычно, больше интересовали кабаки и женщины Леарана, чем его политическое устройство.

А вот о кабаках и женщинах Танвар мог рассказывать бесконечно. И еще – о драках. По его словам выходило, что он записной драчун и чуть ли не первый мастер меча в Сальстане. В этом Фарах справедливо сомневался. Первый меч Сальстана вряд ли бы путешествовал налегке – без денег, сопровождающих и учеников. Но Танвар и не рисковал присвоить себе столь замечательный титул. А то, что он воин, было понятно и без слов. За все время пути, северянин так и не снял кольчугу, даже на ночь, и ничуть не жаловался на нее. По мнению Фараха это было под силу только опытному воину, который провел в доспехах столько времени, что чуть ли не сроднился с ними. При этом, Танвар всегда заботился о своем мече. Вынимал из ножен, осматривал, заботливо протирал припасенной тряпицей. Таких клинков Фарах еще не видел. Он, как кузнец, с интересом изучил его, и признал что сталь и заточка отменны. Правда, по части оружия у него не было большого опыта. В маленькой деревеньке не ковали клинков. Конечно, Фарах видел сабли у стражи Башмина, да и в родной деревне имелась пара сабель – у старых вояк, служивших когда-то стражниками. Но то южные сабли – чуть изогнутые, легкие, крепкие и хрупкие. Клинок же Танвар был прямым и довольно

тяжелым. И сталь, на взгляд Танвара, у него был мягковата. Меч северянина походил больше на хорошо заточенную железяку, не было в нем изящества острых южных сабель. При этом, Танвар утверждал, что это еще маленький меч, полуторник – легкий, по меркам Сальстана, и небольшой. В ответ на это Фарах отвечал, что мог бы сделать подобный меч более легким и крепким. Танвар взял с него обязательство, что когда-нибудь Фарах сделает для него такой меч.

В итоге, весь третий день они провели в разговорах об оружии. Только к вечеру, Фарах наконец сообразил в чем крылась настоящая причина такого красноречия северянина. Тот по-прежнему рассказывал о школах фехтования Сальстана, но подмастерье уже не слушал его. Подмастерье с удивлением прислушался к себе и обнаружил, что вспоминает деда с тоской, но без отчаянья. Боль, что поселилась в его сердце, отступила. Танвар отвлекал его от грустных мыслей, не давал задуматься о своих бедах.

Осознав это, подмастерье улыбнулся и покачал головой, коря себя за недогадливость. Танвар же, рассказывающий о каком-то немыслимом финте мечом, принял улыбку на свой счет, и, распалившись, поведал историю о том, как в одиночку зарубил троих злощих и вооруженных до зубов таграмских бандитов.

Фарах слушал внимательно и поддакивал в нужных местах, но про себя думал, что Танвар сильно преувеличивает подвиги. Он, конечно, воин, но на героя не похож. Северянин, безусловно, умел фехтовать и драться, но вряд ли бы смог справиться с тремя бандитами. Пока защищаешься от атак одного, другие легко тебя прикончат. Это Фарах понимал. Но – молчал.

Вечером, когда до Башмина оставался всего лишь дневной переход, караван как всегда остановился на ночлег. Погонщики были довольны и веселы, – путь подходил к концу, и эта ночевка должна была стать последней. Следующим вечером они должны добраться до Башмина и встретить закат уже в своих теплых постелях.

Вечер удался. Костер разожгли большой, вино лилось рекой. Достали последние припасы, и воду больше не экономили. Поужинали хорошо. Да и выпили изрядно. В самом деле, – не тащить же все домой. Все равно пить в одиночку скучно. Завтра уже – дом. Жены, дети домашнее хозяйство... Хоть погулять последний день.

Гуляли долго и со вкусом. Все съели, все выпили. Пошумели, посмеялись. Когда настал темный час – полночь, – Фарах отправился спать. Ему довелось отведать кисленького винца – немного, но достаточно, чтобы глаза его стали закрываться сами по себе, несмотря на шум и гомон у костра. Подмастерье, решив, что пора на боковую, устроился как всегда около повозки, на своем стареньком одеяле и закрыл глаза. Он пробовал молиться, но два раза сбился, и решил, что наверстает упущенное завтра. Лучше это делать на трезвую голову. Придя к такому выводу, он преспокойно уснул.

Разбудил его странный звук. То ли шорох, то ли треск. Фарах так и не успел разобрать – что именно. Он открыл глаза, и уставился в темноту пытаясь понять, где он. Оказалось, что лежит на груди, уткнувшись лицом в мешок, служивший подушкой. Подмастерье неохотно поднял голову. Она была странно тяжелой, мысли ворочались медленно, неохотно, словно ленивые быки.

Над спящим караваном царил тишина. Лишь костер, горевший у повозок, потрескивал угольками. Гуляки давно пошли спать, ночь вступила в свои права.

Фарах приподнялся и перевернулся на спину, уставившись в звездное небо. Он собирався уже закрыть глаза, но темноту вдруг разорвал истошный крик боли. Фарах вскинулся, попытался сесть и тут перед ним из темноты появилась темная человеческая фигура, взмахнула рукой...

Мир словно застыл на один миг. Между двумя ударами сердца, подмастерье успел увидеть самое главное, – это не караванщик. Рослый бородатый мужик, закутанный в рваное

тряпье. Он замахнулся на Фараха длинной палкой с длинными железными штырями. Костер давал не так уж много света, но его вполне хватило, чтобы подмастерье успел различить лицо нападавшего искаженное злобной гримасой, его худые и грязные руки, заплаты на халате...

Фарах пронзительно закричал и откинулся на спину. Его руки сами поднялись вверх, сложившись как для молитвы, прося пощады у врага. Но палка с шипами уже начала свой бег, на грязном лице застыл оскал, напоминавший улыбку смерти. И тут же маленький огонек вспыхнул на кончиках пальцев Фараха. Вспыхнул на секунду, ярко и озорно. И пропал.

Но этого хватило. Нападавший с криком отшатнулся назад, шипы впустую вспороли воздух всего в локте от головы подмастерья. А он, пораженный происшедшим не меньше нападавшего, застыл, испуганно глядя на руки.

А в следующую секунду у бандита исчезла голова. Пропала, словно ее никогда и не было. Фонтан крови взметнулся в воздух и с шумом обрушился на пыльную землю. Обезглавленное тело взмахнуло руками, дернулось, словно пытаясь отыскать потерянное, и повалилось на землю рядом с Фарахом, в лужу собственной крови. Подмастерье нерешительно поднял глаза и вздохнул.

Над телом стоял Танвар, сжимая в руках меч. Фарах протянул к нему руки, не понимая, что происходит.

– Успел, – хрипло выдохнул Танвар, – еле успел....

– Танвар! – крикнул Фарах, одолев, наконец, непослушные губы. – Танвар!

И словно откликаясь на его слова, ночь наполнилась криками боли, проклятьями, звоном железа и глухими ударами.

– Прячься, – крикнул северянин. – Под повозку, быстро!

– Танвар!

– Быстро, сучий хвост! Сиди там, не высывайся! И не вздумай больше призывать огонь! Душу выну!

Фарах, ничего не понимая, но подчинясь приказу, перекатился с бока на бок и, больно царапнув макушкой о деревянные доски, оказался под повозкой. Когда он обернулся, то увидел лишь обезглавленное тело, еще подергивающееся, что плавало в луже крови.

Подмастерье сдержал крик, уткнулся носом в сложенные руки, зажмурил глаза и постарался сделать незаметным. Спрятаться.

Но уши он заткнуть не смог. Его слух терзали крики ярости, вопли боли и страшные короткие хрипы умирающих или раненых. Теперь подмастерье понимал, что произошло, – на караван напали разбойники. В самый темный час, когда довольные торговцы упились вином, предвкушая скорое возвращение домой. Наверное, бандиты специально дожидались каравана, зная, что лучшего времени для нападения не выбрать.

Сейчас шла драка не на жизнь, а на смерть. Кто в ней побеждал, Фарах не знал. До него доносились звуки боя, но по ним ничего нельзя было понять. Пару раз сквозь общий ор пробивались ругательства северянина и подмастерье обмирал от ужаса.

«Огонь, – подумалось Фараху. – Откуда взялся огонь на моих руках?»

И тут же он почувствовал, как страх смерти просыпается в нем, заставляет дрожать всем телом. Какой огонь! Идет бой! До огня ли? Он может умереть в любой момент! Бандитам нужно только заглянуть под повозку, ткнуть мечом его сжавшееся в комок тело и перед ним распахнуться двери небытия... Он умрет на коленях.

– Трус! – крикнул Фарах сам себе – Трус!

Он повернулся на бок и попытался нащупать нож, что носил на поясе. Надо вылезти из-под повозки, помочь Танвару и караванщикам. Надо.

Руки отчаянно тряслись. Так сильно, что подмастерье никак не мог нащупать нож. Он дернулся и стукнулся макушкой о дно повозки. Боль отрезвила, и руки подчинились. Зажав

в ладони прохладную рукоять, Фарах приподнялся, и рванулся прочь, рванулся отчаянно, вслепую, едва не проломив себе голову.

Он выкатился из-под повозки, растерянный, трясущийся от страха и замер в растерянности. Бой, как оказалось, кончился. Никто уже не дрался. Около повозок лежали тела, из темноты раздавались вздохи и проклятия. Рядом кто-то громко стонал – с надрывом, из последних сил, отчаянно цепляясь за жизнь, но уже соскальзывая в темную пропасть...

«Кто победил?, – думал Фарах, до боли сжимая рукоять ножа. – Кто?»

– Вот и все, – раздалось рядом.

Подмастерье шарахнулся в сторону, вскинул руку с ножом, готовясь защищаться. Но оказалось, что это всего лишь Танвар – усталый и недовольный.

Северянин тяжело вздохнул, выругался, и с размаху сел на землю. В одной руке он все еще держал меч, другую прижимал к лицу.

– Танвар!

Фарах подскочил к спутнику наклонился над ним, схватил за плечо.

– Танвар что случилось?

– Да ничего, – глухо отозвался тот. – Все в порядке. Мы победили.

– Тебя ранили?

– Ерунда, царапина. Будет след на щеке... Вот дети собак.

Подмастерье опустил рядом, разжал руки. Нож выскользнул из раскрытой ладони, упал в пыль и замер в ней, блестя словно леаранская рыба.

– Это разбойники, да? – спросил Фарах, стараясь не стучать зубами. Его всего трясло, и, пожалуй, сейчас он не мог сказать от чего больше: от страха, ярости или от злости на самого себя.

– Верно. – Отозвался северянин и отнял ладонь от лица. Посмотрел на нее и снова выругался. На ладони темнела кровь. Впрочем, северянин был в крови с головы до ног. Его рубаха стала черной и мокрой. Прилипла к кольчуге, топорщилась рваными ранами и выглядела так, словно с Танвара пытались содрать кожу.

– Все в порядке. – Сказал северянин. – Все позади.

Фарах громко икнул, вспомнил падающее безголовое тело и его стошнило. Освобождаясь от остатков ужина, он почувствовал, как Танвар положил руку ему на спину.

– Ничего ничего, – сказал северянин. – Вот и первый твой бой. Хорошо, что живым остался.

Подмастерье ничего не ответил. Его тошнило.

7

Утро встретили в пути. Караванщики не стали дожидаться рассвета и тронулись в дорогу, едва восток начал светлеть. К тому времени всех раненых перевязали, вещи собрали. Оставалось лишь загрузить тела погибших на повозки. Торговцы с великой осторожностью положили их в одну повозку, помогли раненым устроиться в другой и тронулись в путь.

Убитых оказалось четверо. Двое торговцев – Тамир и Ал-Тар, хозяева быков навьюченных тюками со шкурами. И погонщики Сасар и Масур, в чей повозке ехали Танвар и Фарах. Остаток страшной ночи Фарах молился за души погибших, вознося хвалу всеблагому Энканасу, чтобы тот принял их в свой теплый дом.

Всех разбойников, напавших на караван, убили. Оказалось, что их было всего шестеро. Они надеялись на внезапность нападения и стремительность атаки, рассчитывали застать купцов размякшими от вина и усталости и тихо их перерезать. И это им удалось, если бы не Танвар. Северянин действительно оказался превосходным воином. Как только он понял, что происходит, то поднял тревогу и бросился в бой. Разбойники, к тому времени уже закололи Масара, стоявшего на страже, и подбирались к сонным караванщикам. Они не ожидали такого отпора. Бандиты рассчитывали встретить в караване только купцов и торговцев, мирных горожан, не умеющих толком держать оружие. Уж больно мал караван, чтобы нанимать специально охрану. Не окупиться. Поэтому появление северянина, вооруженного и готового драться, сломало планы разбойников. Они дрогнули, смешались. Не сообразили накинуться на Танвара вместе, разом. Это их и погубило.

Он просто выкосил их, как садовник выкашивает сорняки. Северянин и в самом деле великолепно владел мечом. Он был опытным воином, прошедшим через сотни схваток и оставшимся в живых. Местные разбойники, земледельцы от рождения, занимавшиеся грабежом из нужды, а не по призванию, не стали для него серьезными противниками.

К несчастью, Танвар не смог спасти всех караванщиков. Пока он метался по полю боя, словно окровавленный вихрь, с яростью демона разя бандитов подобранных к стоянке с разных сторон, двое нападавших убили еще троих сонных караванщиков.

Но все это подмастерье узнал потом, ближе к рассвету, когда немного пришел в себя. Раненых оказалось всего двое, – Хасиру перевязали голову, а разорванную щеку Танвара обрили, как смогли, и промыли водой. После этого северянин, с молчаливого согласия караванщиков, проткнул каждого из разбойников мечом – еще раз. Чтобы наверняка. Их тела сволокли в одну кучу и оставили там, на месте стоянки. На поживу детям собак.

Управившись со всеми делами, оставшиеся в живых торговцы сотворили молитву, и тронулись в путь. И теперь, остатки каравана плелись по дороге в Башмин. Ехали молча, не разговаривая. Торопились. Тишину нарушали только тоскливое мычание быков, не понимавших, куда подевались те, кто заботился о них каждый день.

Фарах, Танвар и Хасир ехали во второй повозке. Фарах правил, северянин и торговец отдыхали, прижавшись спинами к бортам и вытянув ноги. Подмастерье чувствовал себя ужасно. У него до сих пор тряслись руки и путались мысли. Очень хотелось пить, но в повозке не оказалось воды, только слабое кислое вино. Его пил только Танвар. Фарах – не хотел. В его голове кислый запах вина сливался со сладковатым ароматом крови, и стоило Фараху только глянуть на бурдюк, как в памяти вставала страшная картина: обезглавленное тело разбойника плавающее в собственной крови. От этого мутило, и тошнота комом подкатывала к горлу. Фарах думал, что больше никогда не сможет пить вино.

Но больше всего его беспокоило другое. Его поведение во время нападения. Подмастерье ругал себя за трусость и нерасторопность. Быть может, если бы он вовремя выскочил из-под повозки и бросился в бой, то, может быть, удалось бы спасти караванщиков. Умом Фарах

понимал, что выскочи он из-под укрытия в разгар схватки, то, скорее всего, список жертв увеличился бы еще на одного человека. Но его совесть не хотела принимать это оправдание. Он должен был сражаться, а не прятаться, как струсившая мышь, забившаяся в нору. Он опозорил себя. Опозорил своего деда. Тот хоть и был стар, одолел в бою настоящего воина, наемного убийцу. От этих мыслей хотелось плакать. Тогда Фарах шипел сквозь зубы, ругал себя последними словами и яростно подхлестывал быков.

Через час пути Танвар, внимательно присматривающий за спутником, не выдержал.
– Фарах! – позвал он.

Подмастерье обернулся. Северянин выглядел ужасно. Кожаная рубаха, залитая кровью, подсохла и стояла колом, местами прилипая к кольчуге. Обритая щека дико смотрелась на фоне бороды, а рана продолжала кровоточить.

– Парень, успокойся, – сказал северянин и поморщился от боли. – Ты все делал как надо. Все что мог. Если бы ты бросился в бой со своим ножичком, то сейчас тебя бы везли вон на той повозке.

– Я мог отвлечь кого-нибудь из бандитов, – неуверенно возразил подмастерье, понимая, что северянин прав.

– Ага. Своей смертью. Я и так еле успел вытащить тебя с того света. Нет, ты все сделал правильно. Послушался меня и уцелел. Так и поступай в дальнейшем.

– Я струсил, – упрямо сказал Фарах. – Надо было сражаться.

– Заткнись. Не перебивай. Мне говорить больно. Ты все сделал правильно. У тебя нет боевого опыта, а у меня есть. Мой опыт подсказал, что тебе лучше сидеть в укрытии. Я не отвлекался на твою защиту и мог помочь остальным. Ты послушался меня, и все устроилось наилучшим образом. Ты провел свой первый бой на отлично, – слушался своего командира и уцелел. Поверь, это немало. Многие не смогли пережить свой первый бой именно потому, что не слушали командиров. А теперь будь добр, помолчи. Мы с тобой потом поговорим.

Танвар помолчал, откашлялся и многозначительно добавил:

– Обо всем поговорим.

Фарах отвернулся и сосредоточился на дороге. Сейчас лучше следить за языком, чтобы не сболтнуть чего лишнего. Положение и так серьезное, даже если не брать во внимание ночное нападение разбойников. А тут еще и это...

Подмастерье знал, на что намекал северянин. Огонь. Истинный огонь, зажегшийся на кончиках пальцев подмастерья деревенского кузнеца. Фарах знал, что это такое. Так бывает у жрецов. Общаясь с Энканасом, они могут призывать его силу и пользоваться ей. Не все. Только самые стойкие в вере и преданные Энканасу. Конечно, каждый из смертных носит в себе частичку божественного огня. Но не каждый может найти ее в себе, это удастся только отмеченным Богом Огня. Обычно они и становятся Жрецами. Сначала, конечно, обучаются в храмах, разучивают особые молитвы и, в конце концов, самые достойные получают в свое распоряжение божественную силу – огонь. Они могут призывать его, чтобы сражаться со скверной: с тьмой и холодом, с еретиками. Но то – жрецы. Огонек в руках мальчишки, пусть даже такой маленький, это все равно, что алмаз размером с кулак в кармане у нищего бродяжки. Что-то совершенно немыслимое, невозможное. И очень опасное.

«Если бы только был жив дед, – подумал Фарах, сглатывая пересохшим горлом. – Он бы смог мне рассказать, что делать дальше. И как с этим быть».

Дед. Тейрат. Мудрый и спокойный, рассудительный и предусмотрительный. Перед смертью сказал своему внуку, что он не его дед. Не родня. Но кем же тогда он был? Жрецом Темного Пламени? Еретиком? Но почему тогда возился с мальчонкой, опекал его, оберегал, учил... Фарах не находил ответов на эти вопросы. Он по-прежнему считал Тейрата дедом и не собирався верить последним словам умирающего. Нет. Наверно это предсмертный бред. Но откуда взялся истинный огонь на его пальцах? Да, конечно, это возможно. Но только

после долгих тренировок, после молитв и ночных бдений, когда твоя воля сливается с Богом Огня, когда его сила входит в тебя и дарит частичку своей силы, тогда и только тогда. Фарах был твердо уверен в том, что в тот момент, когда на него замахнулся разбойник, он не думал о всеблагом Энканасе. Он вообще ни о чем не думал. Просто испугался, жутко испугался, да так, что ни о чем не мог помыслить, кроме одного – близкой смерти. Подмастерье не обращался к Богу Огня. Но тот видимо ответил, сжалился над несчастным, стоявшим на пороге смерти. Значит ли это, что Энканас его простил? Простил Фараха, и заодно деда, пусть и раскаявшегося, но все же еретика?

Подмастерье зябко передернул плечами. На улице стояла обычная дневная жара, но по его спине катались ледяные мурашки. С той поры, когда он переступил порог собственного дома и наткнулся на труп воина, многое изменилось. Слишком много. Каждый день менял судьбу Фараха так круто, как не меняли ее прожитые ранее годы. Подмастерье чувствовал себя так, словно попал в середину песчаного вихря. Его словно бы уносило ветром, раздирало на куски. Как долго это будет продолжаться? Когда же, наконец, все успокоится! Почему беды одна за другой валяются на него как из дырявого мешка, грозя превратить его жизнь в ледяные пустыни ада.

– Фарах!

Подмастерье вскинулся и повернул голову на окрик. Оказалось что рядом с повозкой бредет бык с уцелевшим караванщиком – Тасамиром.

– Фарах, – позвал он. – Вода есть?

– Нет, – отозвал он. – Только вино.

Тасамир выругался и ударил быка по голове. Тот ускорил шаг и вскоре оказался во главе колонны, рядом с другими уцелевшими торговцами.

Подмастерье оглянулся назад. Хасир спал, откинувшись на борт и накрывшись с головой белым полотенцем. Танвар лежал на полу повозки и тяжело дышал. С присвистом и хрипами.

Он оставил поводья и бросился к северянину. Опустился на колени рядом с ним, приподнял курчавую голову... Рана на щеке покрылась запекшейся кровью, но выглядела хорошо. Может быть, северянину плохо от другого? Может сердце, как у деда?

– Фарах!

Подмастерье поднял голову и едва успел поймать бурдюк, летящий в него. Тасамир, оказывається, вернулся с водой.

– Умой северянина, – велел он, – и смочи полотенце Хасира. Дети собак! Почему никто не подумал положить воды в повозку раненых!

Подмастерье исполнил задание со всей тщательностью, аккуратно расходуя воду. Хасир даже не проснулся. А вот северянин заворчал, застонал.

– Что с ним? – Спросил Тасамир.

– Не знаю. Кажется ему плохо.

– Храбрый воин... Если бы не он, нас бы уже жевали дети собак. Посмотри что с ним. Фарах потряс северянина за плечо, и тот открыл глаза.

– Тихо, – прошептал он. – Мне плохо. Как приедем в Башмин, – сразу к лекарю. Бросаем караван и к лекарю. Понял?

Кивнув, подмастерье приподнялся.

– Ему нехорошо, – сказал он Тасамиру. – Говорит, что, как приедем в Башмин, надо его отвести к лекарю.

– Верно, – одобрил торговец. – Мы то сразу к страже поедem, про разбойников рассказать, мертвых к жрецам завезем. А ты его веди к лекарю. Стражники его сами найдут. Как раз недалеко от южных ворот есть хороший лекарь – Пасагрэн, северянин. Вот к нему то и отправляйтесь. Танвар сам дойдет?

Северянин, услащав, что речь идет о нем, заворочался и приподнялся ухватившись рукой за борт повозки.

– Хорошо, – сказал он на южном наречии. – Пойду сам.

Тасамир радостно оскалился.

– Ладно, отдыхайте, – сказал он. – Башмин еще не скоро. К вечеру доберемся. Быки идут так быстро как могут, но все-таки это не скакуны.

Торговец кивнул и поехал в начало каравана. Фарах проводил его долгим взглядом и подумал о том, что надо бы вернуться к поводьям. Но быки шли уверенно, ровно. Они знали дорогу.

– Фарах, – зашептал Танвар, – я поплю. Ты иди, не привлекай внимания. Как будет Башмин, – подхватываемся и уходим. Все. Молчи.

Подмастерье послушно кивнул и вернулся к поводьям. Конечно. Он сразу понял, что северянину вовсе не так худо, как могло показаться со стороны. Им просто нужен повод, чтобы избежать встречи со стражей.

«Конечно, – с горечью подумал подмастерье, – ведь мы же – беглецы».

Он со злостью хлестнул быков поводьями и выругался сквозь зубы, так сурово, что неделей раньше умер бы от стыда, если бы ему сказали, что он будет произносить такие слова. Очень хотелось пить, но воды не осталось. Только тошнотворное кислое вино.

8

К вечеру они вышли к Башмину. Дорога, плутовавшая между холмами, поползла вверх, потом нырнула в маленькую долинку, обогнула гору, изъеденную ветрами, и, наконец, вывела караван к спуску. Отсюда, с высокого холма, было хорошо видно, как утоптанная дорога спускается вниз, к городу, раскинувшемуся в огромной ложбине между двух холмов.

Башмин был небольшим городом. Фарах, помнивший Хазир, хорошо это понимал. Но по сравнению с Эшмином, он казался огромным.

Дорога спускалась с холма тугой лентой и вела к скоплению маленьких домов построенных из прутьев и обмазанных потом глиной. Это еще не город, нет. Это дома бедняков, окружавшие Башмин, словно рой мух. Они ютились вдоль дороги, вдоль городских стен. Стояли как попало – каждый строил дом так, как в голову придет. Домов было много. Их серо-желтые крыши сливались в пестрый ковер, и казалось, что стены Башмина штурмует море высушенной солнцем травы.

В ложбине всегда прохладно и влажно, – высокие холмы защищают от солнца, да и воды здесь больше. Поэтому вокруг Башмина росло много фруктовых садов. Они были удивительно красивыми и Фарах, как в прошлый свой приезд, залюбовался темной зеленью деревьев, заполонивших почти всю долину.

Дорога, широкая и пыльная, вела к городским стенам. Сложенные из желтого песчаника, высотой в два человеческих роста, они смотрелись очень красиво. Стены, отшлифованные строителями и ветрами, гладкие, выглядели чуть ли не полированными. Ворота сделаны из дорого крепкого дерева, привезенного с севера. Две огромные дверцы, высотой почти как стены, выглядели очень тяжелыми. Фарах знал, что их открывают и закрывают быками, иначе не справиться. С другой стороны города были похожие ворота, называвшиеся Северными. И те и другие – гордость башминцев.

За южными воротами и начинался сам город. Здесь стояли дома горожан. Солидные, сложенные из камней, с покатыми крышами из глиняной черепицы, они производили впечатление зажиточных людей, уверенных в себе и в своем завтрашнем дне. Два, три этажа – это дома богачей. Они стояли ближе к центру – вокруг большой площади. Посреди нее возвышался огромный дом аль-саддина – городского главы. Вокруг него раскинулся сад, обнесенный невысоким заборчиком, – аль-саддин любил зелень. Рядом с ним приютился маленький Храм Огня. Поговаривали, что его Жрец – единственный на весь Башмин, зато самый настоящий, обучавшийся в столице, – не любил роскошь, и отказывался строить большой и дорогой Храм. Говорил, дескать, богатство веры не в размере Храма, а в ее крепости.

Из площади плавно вытекала дорога, как река вытекает из озера. Она тянулась через весь город к северным воротам и стрелой уходила вверх – на следующий холм, – вела на север – в Масун. Фарах с тоской посмотрел на нее, понимая, что вскоре ему придется топтать по этой дороге, оставляя за спиной все то, что он знал, все то во что верил...

– Эй! – Окликнул его Танвар. – Чего задумался? Быки стоят!

– Красиво. – Отозвался подмастерье, не отпуская поводья. – Город красивый.

– Да ну, – рассмеялся северянин. – Погоди, еще не то увидишь!

Он запнулся и косо глянул на дремавшего Хасира. Хотел видно, что-то сказать про север, про свою родину, но остерегся. Толстяк хоть и дремал, но вполне мог подслушивать разговоры попутчиков. Так, краем уха, на всякий случай. Торговец и во сне не должен упускать возможную выгоду.

Подмастерье покачал головой, удивляясь сам себе, – как быстро он научился думать о людях плохо.

– Давай, поехали, – сердито поторопил его северянин, раздосадованный сам на себя, за то, что едва не проболтался. – Вон, смотри, караван уже спускается к городу!

Фарах послушно подхлестнул быков, и повозка медленно покатила вниз по дороге, вздрагивая на выбоинах.

А караван действительно уже подъезжал к бедняцким домам. Подмастерье, засмотревшись на город, и не заметил, что его повозка стоит. Теперь им приходилось нагонять остальных.

От домов к каравану потянулись люди. За новостями, за свежим товаром, – если повезет, можно кое-что перехватить, прежде чем торговцы доедут до города. Мелочишку конечно, – например оставшуюся воду, остатки еды, что лень тащить домой. Но и того достаточно. Много ли надо бедняку.

Когда первая повозка подъехала к домам, ее тут же окружила плотная толпа башминцев. Возница привстал, и что-то громко крикнул. До Фараха донесся удивленный и рассерженный гул толпы. Видно новость о разбойниках пришлась им не по вкусу.

Тасамир, ехавший на своем быке рядом с повозкой, выпрямился и оглянулся. Заметив, что повозка отстала, он яростно замахал рукой.

Фарах снова подхлестнул быков, те недовольно засопели, но ускорили ход. Вскоре они нагнали остановившийся караван и люди стали подходить к повозке.

– Вон он, вон он, – шумели они, показывая пальцами на северянина.

Стало ясно, что слух о его подвигах уже распространился среди местных жителей. Кажется, на глазах рождалась новая легенда – о северном воине, перебившем в одиночку разбойничью банду. Фарах знал, что со временем разбойников будет все больше, герой будет все могущественней, и так до тех пор, пока вранье рассказчиков не превысит разумные пределы. Тогда в легенду верить перестанут, и она станет одной из тех баек, что рассказывают старики.

Танвар улыбался башминцам, держась за раненую щеку, кивал, принимая похвалы и тихо, сквозь зубы, ругался.

– Ну конечно, – зло шептал он. – Теперь, нас каждый сын собаки в городе будет знать. Надо бежать. И быстро.

Но быстро – не вышло. Толпа плотно окружила повозки, жажда подробного рассказа о нападении разбойников. Всем хотелось услышать историю из уст самих участников.

Тасамир вежливо просил их разойтись и пропустить повозки. Он говорил, что раненым нужна помощь врачей, что им срочно нужно в Башмин... Впустую. Народ прибывал с каждой минутой. Толпа становилась все гуще, и вот уже стоящие вблизи кричали задним, что происходит в центре.

– Может, сбежим? – шепнул Фарах северянину. – Смешаемся с толпой и удерем.

– Как же. – Буркнул Танвар. – Смешаемся. Они нас на руках носить будут. Да и рожа у меня приметная...

Наконец Тасамир не выдержал и хлопнул своего быка рукой по боку. Тот возмущенно взревел и двинулся на толпу. Следом за ним устремились остальные быки и караван, наконец, тронулся с места. Толпа расступалась неохотно, жадно глаза на героев дня. Фарах почувствовал раздражение и злобу. Ему не хотелось, чтобы на него пялились. Он знал, что это нормально, и что случись такое в его деревне, все эшминцы тоже бы столпились вокруг повозок. И каждый бы выспрашивал – что там, что случилось? Этих людей можно понять, – не каждый день происходят такие события. Это для них развлечение, разговоров будет на месяц – не меньше. Но сейчас Фарах смотрел на вещи по иному – с другой стороны. Изнутри. Теперь ему казалось, что местные жители ведут себя отвратительно, словно стая любопытных ворон.

Он со злостью подхлестнул быков, и башминцы прыснули в разные стороны, освобождая дорогу повозке.

Больше дорогу им не заступали. До самых ворот их провожали мальчишки, бегущие вслед за караваном. Взрослые отстали – не дело бегать по жаре.

У ворот их ждал сюрприз, – проезд оказался перегорожен несколькими быками и большой четырехколесной повозкой. Оказалось, что еще один караван пытался попасть в город. Погонщики столпились около створок ворот, следя за тем, как глава каравана ругается со стражниками, взимавшими плату за проезд. Но не все погонщики довольствовались ролью наблюдателей. Большинство из них принимали самое активное участие в споре, громко возмущаясь грабительской пошлой. Шум и гам стоял такой, что даже быки начали волноваться.

– Пропустите, – закричал Тасамир, – пропустите нас! Раненые! Пропустите раненых!

Толпа расступилась, и тут же посыпались градом вопросы, – что случилось. Стражники – трое служивых в одинаковых красно-зеленых халатах подошли ближе. Тасамир слез с быка и подошел к ним – объяснить, в чем дело.

– Вот теперь – пора. – Шепнул Танвар и поднялся. Легко перемахнул через борт повозки и обернулся.

– Давай! – сердито сказал он.

Фарах бросил поводья, оглянулся на Хасира. Тот вроде уже пришел в себя и недоуменно оглядывался по сторонам.

Подмастерье махнул на него рукой и выпрыгнул из повозки. Северянин тут же ухватил его за локоть и потащил сквозь толпу к воротам. Фарах обернулся и увидел, что Хасир пристально смотрит им вслед.

Этот взгляд ему не понравился. Подмастерье понял, что Хасир обязательно расскажет стражникам о них. Обязательно.

Тем временем Танвар шел сквозь толпу с упрямством и уверенностью быка, расталкивая торговцев и караванщиков. Его притворная слабость исчезла, и подмастерье облегченно вздохнул, – еще час назад он опасался, что у его спутника действительно серьезная рана. Теперь его опасения рассеялись как дым – северянин явно чувствовал себя хорошо, а все мучения были притворством.

У ворот их встретили двое стражников, сменившие тех, что вышли к толпе. Они разом шагнули навстречу друзьям и Фарах понял, что их не пропустят до тех пор, пока не выяснится по какому поводу весь этот шум.

Танвар остановился и тихо выругался. Подмастерье же обернулся, скользнул взглядом по толпе...

– Тасамир! – крикнул он. – Тасамир!

Караванщик стоял недалеко, и яростно что-то доказывал трем стражам ворот. Услышав зов Фараха, он повернулся.

– Мы к врачу! – крикнул подмастерье. – Встретимся у стражи!

Тасамир кивнул, и что-то сказал стражникам. Один из них обернулся, глянул на Танвара. Северянин тут же скорчил гримасу, которая должна была изображать неземные муки. Стражник пожал плечами и махнул рукой охранникам у ворот. Те расступились, освобождая проход.

Обрадованный Танвар тут же потащил Фараха вперед. Они прошли мимо стражников и устремились по широкой улице, прямой как меч северянина.

Фарах глазел по сторонам, отмечая знакомые места. Вот дом менялы, в прошлый приезд дед обменивал тут деньги, вот придорожная чайня, где можно отдохнуть после длинного пути, вот поворот к дому богатого травника...

Танвар шел уверенно, словно всю жизнь провел в Башмине. Он тащил Фараха за собой, держа за локоть, ничуть не смущаясь взглядов, что бросали на них прохожие. Подмастерье попытался высвободиться, но это ему не удалось, – хватка у Танвара была как у горного медведя.

– Сейчас, – шептал он, – сейчас... Третий поворот налево...

Он ловко нырнул между двумя домами, сложенными из камней песчаника и устремился вперед по узкой улочке.

– Куда мы идем? – спросил Фарах. Этих мест он не знал и даже не мог предположить, куда они сейчас направляются.

– К одному моему знакомому, – отозвался северянин и отпустил его локоть. – Нам помогут.

– Чем?

– Всем. Не думал, что все так сложится. Вообще-то мы должны были идти в Масун с попутным караваном. Но раз уж так получилось...

– А он надежный человек? Знает кто мы?

– Не бойся, – ухмыльнулся северянин. – Он не знает. Мы с ним знакомы, но никогда не говорили ни о тебе, ни о твоём деде. Нас связывают совсем другие дела.

Танвар быстро шел по узким улочкам, легко ориентируясь в лабиринте домов, пристроек и заборов. Фарах едва поспевал следом за своим спутником. Похоже, друг Танвара жил довольно далеко от южных ворот.

– К страже мы не пойдём? – спросил он.

– Конечно, нет. Этого только не хватало.

– Но они будут нас искать!

– Не раньше завтрашнего утра. А к этому времени, мы покинем город. Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

– Но как? Нам надо отдохнуть, купить припасы, выспаться.

– Забудь. Это моя забота.

Танвар резко остановился, как раз напротив невзрачного одноэтажного домика, сложенного из обожженных глиняных кирпичей. По бокам высились два больших дома, сложенные из песчаника. На их фоне одноэтажный домик смотрелся на редкость убого. Фарах подумал, что здесь живет не очень богатый человек. Удивительно, что такой дом находится внутри городских стен, ему самое место снаружи, среди бедняцких хижин.

– Пришли, – сказал Танвар и подошел к невзрачной синей занавеске с заплатами, заменявшей дверь.

– Кто здесь живет? – удивленно спросил Фарах. – Гончар?

– Тут живет один из самых богатых людей Башмина, – ухмыльнулся северянин. – Но немногие знают об этом.

– И кто же он? – недоверчиво осведомился подмастерье. – Торговец?

– Нет, – отозвался Танвар. – Его зовут Косар. И он вор.

Фарах отступил на шаг, изумленно глядя на спутника.

– Вор? – переспросил он. – Ты водишься с ворами?

– Перестань. – Отозвался северянин. – Не строй из себя жреца. Знакомства бывают разные. И люди... Они тоже бывают разные. Поверь мне, хороший человек может быть вором. Так бывает. Просто поверь. И запомни, – тут мы найдем помощь. Больше нам рассчитывать не на кого.

Северянин вздохнул, откинул тканый полог, закрывавший вход и зашел в дом. Фарах перевел дух, постоял немного и решительно направился следом за спутником. Вор – не вор... Танвар прав. Сейчас это не важно. В их положении стодится любая помощь, и не важно кто ее окажет – святой или грешник.

Внутри их встретили. Сразу за порогом располагалась маленькая комната, где сидели два крепких молодых парня. Они пили холодный чай из больших глиняных чашек и играли в кости.

Танвар подошел к ним и вежливо поздоровался. Охранники, – а Фарах не сомневался что это именно они, – разом заулыбались. Стало понятно, что северянин не в первый раз заходит в гости к своему знакомому. Один из «кулачков», – а именно так в народе называли серьезных разбойников, поднялся и, поздоровавшись с Танваром, проводил гостей вглубь дома.

И снова подмастерье удивился. Оказалось, что дом вора был вовсе не маленький. Дома, стоящие по бокам убогой хижины, на самом деле оказались ее частью. Все три строения объединялись в одно, образуя просторное жилище, вполне достойное богача.

Пройдя несколько комнат, Фарах понял, что попал во дворец. Стены и пол украшали дорогие ковры, столики ломились от посуды из серебра и золота. Стены затянуты в шелка, а потолок тщательно выложен мозаикой из цветного стекла. Подмастерье, затаив дыхание, разглядывал украшения. В таких богатых домах ему еще не доводилось бывать.

Косар, знакомый Танвара, оказался невысоким человечком с худым и подвижным лицом. На вид ему было лет сорок, не больше. Он ждал гостей в глубине дома, в большой и прохладной комнате с распахнутыми окнами. Они вели в небольшой дворик, устроенный прямо в центре дома и заросший раскидистыми кустами горного чая.

Когда гости вошли, хозяин поднялся с подушек и приветственно махнул рукой.

– Танвар! Рад тебя видеть! – сказал на северном языке. – Ты быстро вернулся!

– И, увы, быстро уйду, – ответил северянин, кланяясь Косару.

– Что случилось? – нахмурился вор, откровенно разглядывая рассеченную щеку северянина. – У тебя неприятности?

– Есть немного, – признался Танвар. – Но не те, о которых ты подумал, уважаемый Косар.

– Кто осмелился поднять на тебя руку? Надеюсь, это не мои «кулачки»?

– Нет, нет. Мы шли с караваном, на него напали разбойники. Судя по всему, это были деревенские мужики, взявшиеся за дубину от нищеты.

– Где это было? Когда?

– Вчера ночью. В дневном переходе от Башмина.

– Совсем обнаглели, – сказал Косар. Он нахмурился, губы сжались в узкую полоску. – Надо бы ими заняться.

– Поздно, уважаемый Косар, – сказал Танвар и откашлялся. – Пришлось их отправить к благу Энканасу. Всех.

Косар косо глянул на северянина, скользнул взглядом по Фараху...

– Ты человек дела, – сказал он. – Раз уж взялся, – сделаешь.

– Точно так! – рассмеялся северянин. – За мной должков не водится!

Вор улыбнулся уголками губ и Фарах понял, что ответ Танвара ему понравился.

– Неплохо, неплохо, – сказал Косар. – Надеюсь, ты так относишься ко всем делам. Кто это с тобой?

– Это? – Танвар обернулся к Фараху, стоявшему позади и благоразумно державшему рот на замке. – Это подмастерье.

– Твой?

– Мой.

Косар хихикнул и погрозил пальцем северянину.

– Воруешь у меня людей, да? Самых лучших забираешь! Парень-то – красавец, богатырь! Заморишь ты его в своих снегах. Может, оставишь мне? Чувствую, далеко этот малец пойдет.

Танвар наклонил голову и нахмурился. Фарах похолодел. На секунду ему показалось, что Танвар сейчас согласиться с предложением Косара и оставит его здесь. Скинет с себя обузу и пойдет своей дорогой...

– Уж извини, Косар, – сказал северянин, – не выйдет. То мой должок. А должки, как ты знаешь, я всегда плачу.

– Ну, нет, так нет. – Спокойно ответил вор. В его взгляде скользнуло разочарование, но он по-прежнему улыбался. Фарах тихо выдохнул и прикрыл глаза.

– Ах! – всплеснул руками Косар. – Садитесь гости дорогие! Что же это вы стоите, простите нерадушного хозяина. Садитесь, садитесь!

Танвар подошел к подушкам, разбросанным на полу, и тяжело опустился на одну из них. Фарах сел рядом – прямо на пол.

– Ратан! – Крикнул вор, – Ратан! Неси стол, еду, вино! Будем принимать гостей!

Где-то в глубине дома зазвенел колокольчик, и через минуту в комнату вошли четверо слуг. Они принесли большой стол на маленьких ножках, еду, питье и все что полагается для хорошего застолья. Они так быстро все расставили по местам, что Фараху показалось, что стол накрылся сам собой – словно по волшебству. Он и глазом не успел моргнуть, а Косар уже разливал вино по дорогим стеклянным чашам – бокалам.

Фарах хотел спросить, есть ли что-нибудь попить кроме вина, но получил ощутимый толчок локтем от Танвара и понял, что лучше молчать.

Он ел и пил, ничуть не стеснясь – от традиционного угощения гости не отказываются. Так что Фарах налегал на еду и помалкивал.

А вот Косар и Танвар не молчали. Напротив, они непрерывно болтали, словно старые знакомые, встретившиеся после долгой разлуки: о погоде, о ценах на оружие, о путешествиях... О деле ни слова.

Плотно поужинав, перешли к вину. Тут Танвар, наконец, завел разговор о делах. Наполнив бокал, он сделал из него большой глоток, и сказал Косару, что ему надо срочно уехать из города. Срочно – значит утром. Вор немного помялся и пообещал, что утром гости покинут Башмин. Он попытался расспросить северянина о делах, что требуют столь срочного отъезда, но северянин уклонился от расспросов. Ловко перевел разговор на ночное нападение разбойников, и тут же стал в подробностях расписывать стычку. Делал он это с таким жаром и пылом, что Косару не удавалось ни словечка вставить в этот поток красноречия.

Фарах слушал эти речи, но несколько не волновался. Он уже понял, что болтливость Танвара – всего лишь маска, под которой он прячет свое истинное лицо расчетливого воина. Говорил северянин быстро, размахивал руками, но Фарах знал – ничего лишнего не сболтнет.

Со спокойной душой подмастерье потягивал слабое винцо и не вмешивался в разговор. Он с удивлением отметил, что это вино не имело ничего общего с напитком караванщиков. Это вино было совсем другим, – терпкое, душистое и сладкое. Оно пилось легко, как вода, и Фарах все пил его и пил, пока не оказалось, что кувшин опустел. Подмастерье потянулся за вторым, стоявшим в центре стола, покачнулся, смахнул локтем чашку со стола, и чуть не упал.

– Ого, – раздался голос северянина. – А паренек-то набрался!

Фарах с удивлением отметил, что голос Танвара звучал тихо и неразборчиво, словно он жевал кашу. Это показалось подмастерью смешным и он хихикнул.

– Давай отправим его спать, – сказал Косар. – А сами поговорим о нашем небольшом дельце. Ратан!

Подмастерье хотел сказать, что еще не хочет спать, а хочет вкусного вина, но язык не послушался. Фарах только замычал и тут же рассмеялся, представив, как выглядит со стороны.

Он почувствовал, как его поднимают и несут. Он снова замычал – возмущенно. Но ему пришло в голову, что сейчас он очень похож на быка. Это было смешно. Хотелось смеяться.

Потом в голове все перевернулось, мир скользнул вбок, уходя в заповедь, и Фарах с удивлением обнаружил, что лежит на полу, а под головой у него мягкая подушка. Она пришлась очень кстати. Подмастерье уткнулся в нее носом и моментально уснул.

9

Утро началось с того, что в лицо Фараху плеснули холодной водой. Вскинувшийся подмастерье замахал руками, закричал... И проснулся. Над ним стоял ухмыляющийся Танвар, и сжимал в руке пустую глиняную чашку.

– Вставай, герой, – велел он. – Нам пора отправляться в путь.

Фарах поднялся с пола, и обнаружил, что спал не раздеваясь. Зудела щека – на ней отпечатался след от шва подушки. Голова кружилась, и подмастерье чувствовал себя неуверенно. Осмотревшись, он заметил, что за окном еще темно.

– Почему так рано? – спросил он Танвара.

– Скоро откроют ворота. Мы должны как можно скорее покинуть город. Так что давай, просыпайся, и пойдём. Все уже готово.

Фарах сладко потянулся, желая только одного – горячего крепкого чая. Он бы помог бы разогнать сонливость.

– Как голова? – Поинтересовался Танвар. – Не болит?

– Нет. Только кружиться немного.

– Ха! Твоя башка еще не успела пропитаться этим ядом. Потом будет хуже.

– Что – хуже?

– Все, все, хватит болтовни. Собирайся!

Танвар бросил чашку на пол и вышел из комнаты.

Фарах огляделся по сторонам, пытаясь сообразить, что значит – собирайся. Ему нечего собирать. Вроде все вещи при нем. Вот только куда-то подевался походный мешок.

В комнату зашел пожилой мужчина с седой бородой, облаченный в роскошный алый халат. Подмастерье бы никогда и не догадался, что это слуга, но он видел вчера, как этот старик прислуживал за столом, подавая напитки и еду Косару. Фараху даже стало немного завидно. Вон как у Косара слуги одеваются, – таких красивых халатов не носил даже староста Эшмина. Видно вор и в самом деле богат, раз даже слуг наряжает в дорогие одежды.

Слуга позвал Фараха за собой, сказав, что гостю надо умыться. При этом слуга окинул подмастерье проницательным взглядом, и тот почувствовал себя последним оборванцем. Конечно, он был не прочь умыться. И заодно попить холодной водички. Потом слуга провел его по лабиринтам коридоров на задний двор, к отхожему месту. Потом полил ему драгоценной воды на руки. Лил щедро, не жадничая, так что Фарах и руки вымыл и лицо сполоснул. Почувствовав себя лучше, он дал себе обещание, что когда станет таким же богатым как Косар, обязательно будет мыться водой. Весь. Каждый день.

После утреннего туалета, слуга проводил Фараха обратно в комнату и принес ему новую одежду. Она оказалось диво как хороша. Подобных нарядов у деревенского парня еще никогда не было. Штаны из легкой, но прочной ткани, напоминавшей шелк, отливали серым, словно шкурка домашней мыши. Белая рубаха, с широким воротом соткана из плотной и мягкой материи. Ко всему этому прилагался великолепный дорожный плащ из тонко выделанной шкуры быка. В таком не замерзнешь даже самой холодной ночью.

Одевшись, Фарах попытался разыскать свой дорожный мешок, но его нигде не было видно. Слуга, заметив беспокойство подмастерья, принес новый – большой и с удобной лямкой вместо веревки. Мешок оказался плотно набит разными вещами. Сверху аккуратно уложены старые вещи Фараха. А под ними обнаружили подарки – новое одеяло, головной платок и кожаная фляга. Фарах откупорил ее, и о диво! В ней оказалось то самое вчерашнее вино. Подмастерье не удержался, сделал большой глоток. В животе потеплело, голова перестала кружиться.

Подмастерье быстро закрыл флягу и от греха подальше запрятал ее на самое дно мешка. Он знал, что бывает с теми, кто не знает меры в спиртном. Их участь незавидна. Сначала они теряют волю, потом ум, а потом и жизнь.

Фарах быстро засунул в мешок свою старую одежду. Пригодится. Нож он предусмотрительно заткнул за свой старенький пояс, – с ним он не собирался расставаться. Слуга, наблюдавший за гостем, помог ему вскинуть мешок на плечо и проводил его в соседнюю комнату.

Косар и Танвар сидели на полу, за маленьким столиком, пили горячий чай и тихо разговаривали. Завидев Фараха, северянин отставил чашку и поднялся на ноги.

– Пошли. – Сказал он. – Время не ждет.

– Я вас провожу, – сказал Косар. – Как радушный хозяин, я должен это сделать.

– Да уж, проводи, – попросил северянин. – Кто знает, как дело повернется.

В дорогу собирались недолго. Фарах уже был готов, а Танвару оставалось только забрать свой походный мешок. Как оказалось, Косар сделал подарок и ему – новый мешок был точно такой же, как у подмастерья.

На улицу вышли впятером – вора сопровождали его личные охранники, ни на шаг не отступавшие от хозяина. Оружия при них вроде не было, но по их хмурым взглядам становилось ясно, что они готовы отразить любое нападение. Но улицы были пусты, и на взгляд Фараха, им ничего не угрожало.

Косар и двое его охранников шли впереди, Танвар и подмастерье держались позади. Город еще спал. На улицах темно, дом Энканаса не взошел, хотя вершины гор на востоке уже порозовели, предвещая скорое его появление.

– Самое время, – шепнул Танвар. – Скоро народ начнет просыпаться.

До Северных Ворот добрались быстро. Шли молча, не отвлекаясь на разговоры. Фарах крутил головой, рассматривая дома – он еще никогда не видел Башмин таким сонным и пустынным. Танвар тоже молчал и шумно сопел носом, – видно столь раннее пробуждение далось ему не так легко, как подмастерью.

У закрытых ворот стояли два стражника, опираясь на короткие копья. Они тихо переговаривались, не обращая внимания на приближающуюся компанию. Чувствовалось, что им хочется спать, и к службе они относятся с прохладцей.

Повинуясь жесту Косара, его телохранители направились к стражникам. Сам вор остался рядом с Танваром и Фарахом. Похоже, подходить к воротам он не собирался.

– Ну что, – сказал Косар, когда охранники отошли. – Будем прощаться, дорогие гости.

Фарах низко поклонился ему, припоминая слова Танвара – «хороший человек может быть вором». Действительно, Косар подарил ему новую одежду, новый мешок. Накормил, принял, дал припасов в дорогу. Он им помогал. Фарах догадывался, что Косар делает это вовсе не по доброте душевной. Просто они с Танваром друзья. Но добро есть добро. Оно не забывается.

Танвар так же поклонился Косару, правда, не так низко, как Фарах.

– Ладно, ладно, – тихо сказал Косар. – Сочтемся. Танвар, ты помнишь о моей маленькой просьбе?

– Конечно, – отозвался северянин. – Не волнуйся. Все будет сделано в точности, как ты просил.

– Помни, – наставительно сказал вор. – Никаких поставок. Никаких.

Танвар молча наклонил голову. Косар провел ладонью по бороде, в которой уже проглядывала седина, и повернулся к Фараху.

– А ты, молодой богатырь, не раздумал? Может останешься со мной?

Фарах отрицательно помотал головой, не решаясь озвучить отказ.

– И правильно, – неожиданно согласился Косар. – Это не твоя дорога. Я вижу недалеко. Твое будущее туманно. Но остерегайся нашего брата. Если пойдешь с нами – погибнешь.

– Почему? – вырвалось у Фараха.

– Это не твоя судьба. Твоя дорога ведет дальше. Куда – не вижу. Старый я стал. Но помни, коль пойдешь в «кулачки», долго не проживешь. Судьбой тебе начертано иное и не стоит ей перечить. Судьба не любит упрямец. Она их наказывает.

– Э, – перебил его Танвар. – Хватит. Запугал пацана до смерти. Смотри, его уже трясет.

Фараха действительно пробрала мелкая дрожь. Он зачаровано слушал Косара. Внезапно ему показалось, что вор стал больше ростом. В нем чувствовалась странная сила. Она выглядывала из глаз, проскальзывала в речах и движениях. Раньше подмастерье видел это только у Жрецов Огня в Хазире. Этого не забыть. Человек, отмеченный печатью бога Огня, нашедший в своей душе частичку пламя, мог видеть невидимое, предсказывать будущее. Неужели вор – Жрец? Нет, не может быть...

– И в самом деле, хватит. – Кивнул Косар. – Я и так сказал слишком много.

Их окликнули. Фарах обернулся и увидел, что охранники вора машут им руками. Стражников нигде не было видно, зато в воротах распахнулась небольшая дверка – как раз, чтобы мог пройти один человек. Подмастерье удивился. В Южных Воротах такой дверцы не было.

– Идите, – тихо произнес Косар. – Вас ждут.

– Ну, прощай, – сказал Танвар. – Может, еще свидимся.

– Если замерзнешь в снегах, то приезжай отогреться. Всегда буду рад тебя видеть.

– До встречи. – Выдавил из себя Фарах.

Танвар рассмеялся, хлопнул Косара по плечу и пошел к воротам. Фарах поспешил за ним. Они не оборачивались, перед дальней дорогой не стоит этого делать. Плохая примета.

Пройдя сквозь маленькую дверцу, они оказались снаружи городских стен. От ворот шла широкая дорога, уходящая на север, в холмы. Здесь, как и на южной стороне, вдоль дороги теснились дома бедняков. У самой стены стояли дома попрямичней – здесь жили ремесленники, чья работа всегда востребована городом. Другие дома, поплотнее, располагались дальше от ворот. У ближайшего, – одноэтажного домика из глиняных кирпичей, обнесенного невысоким забором из сплетенных прутьев, – стояли стражники, державшие поводья двух черных оседланных скакунов.

Фарах сначала не поверил глазам. Скакуны! На севере их называли конями, но на юге всегда уважительно звали скакунами. Быстрые и сильные, они очень ценились знатью. Здесь, на самом юге Каван-Сара, их немного – уж больно сложно за ними ухаживать. Их нужно поить свежей водой, кормит отборным зерном, купать. Это не всякому по плечу – содержать скакуна. И стоили они порой как целая деревня. Неужели Косар настолько щедр, что подарил им скакунов? Не может быть! Фарах покачал головой, и лишь когда Танвар направился к стражникам, подмастерье поверил что это – правда.

– Танвар!

– Ага. А ты думал, придется пешком топтать?

– Но я не умею. Я никогда не ездил на скакунах!

– Ничего, научишься. Жить захочешь – и на ледяной змее поедешь.

Северянин подошел к стражникам, те без лишних разговоров, передали ему поводья и заторопились к воротам. Танвар проводил их недобрим взглядом, и дождался пока стражник закроет за собой дверцу. Лишь после этого повернулся к Фараху.

– Что смотришь? Вот тебе поводья. Забирайся в седло.

Фарах со страхом смотрел на скакуна. Он казался подмастерью огромным и злым. И дышал странно – тяжело, со всхлипом, словно злился. Правда, глаза у коня – большие и карие, были добрыми.

– Это стремя, – пояснял Танвар. – Новая придумка. Наша, северная! Ставь сюда ногу, закидывая вторую на коня...

Получилось только с третьей попытки. Фарах взгромоздился на спину скакуна и скорчился в седле, вцепившись обеими руками в длинную гриву. Скакун возмущенно фыркнул.

– Так и сиди. – Посоветовал Танвар, птицей взлетая в седло. – Смотри, только не свались. Дай сюда.

Он забрал поводья у побледневшего Фараха, намотал на кулак. Потом тронулся с места, ведя за собой коня подмастерья.

Всходило солнце. Первые лучи перекинулись через вершушки холмов и потекли в низину – к Башмину, раскрашивая крыши домов в яркие цвета. Город просыпался. Где-то с треском распахнулась дверь, послышался плач проснувшегося младенца. У ворот что-то с грохотом упало, раздались проклятья стражи... Начинался новый день.

Фарах, судорожно цеплявшийся за гриву скакуна, подумал, что он видит это все в последний раз. Ему показалось, что все это – странный сон, и он больше никогда не повторится. Подмастерье выпрямился в седле, вдохнул терпкие запахи города, стараясь запомнить их навсегда, и подставил лицо солнечным лучам.

Начинался долгий путь на север.

10

Начало путешествия обернулись для Фараха сущей мукой. За первый же день неторопливой езды он сильно стер зад и внутреннюю сторону бедер. К тому же, от непрерывной тряски и неудобной позы, все тело страшно ломило. Мышцы на ногах затвердели и стали как каменные, икры сводило судорогами, спина болела. При попытке устроиться в седле поудобнее, Фарах чуть не вывалился из него. После поездки он чувствовал себя так, словно его избili палками.

Танвар страшно ругался. Кричал, что они ползут как жуки, и что быстрее было бы идти пешком. Когда Фарах согласился с тем, что, мол, да – пешком удобнее, северянин разозлился еще больше.

Вечером, на привале, он осмотрел «травмы» подмастерья и смазал их жутко вонючей мазью. Фараху стало легче, и он уснул. Ночь прошла спокойно, но утром пытка началась заново. При одном только взгляде на седло подмастерье начинало тошнить, а зад, стертый до крови, начинало жечь. Ему очень хотелось идти пешком.

Но северянин не принимал никаких отговорок. Он устроил Фараха в седле, показал, как правильно сидеть, как держать спину, как привставать на стременах и как пользоваться поводьями. К своему собственному удивлению, подмастерье запомнил все с первого раза, и даже смог применить советы Танвара на практике. В этот день ему было легче. Хотя нельзя сказать, что легко.

На пятый день ему стало намного лучше, боли прошли, и он приспособился к скачке. Теперь Фарах свободно держался в седле, и ничего не натирал, хотя у него по-прежнему часто ломило спину. Но зато теперь они могли двигаться быстрее, – подмастерье научился обращаться со скакуном, и большую часть дневного пути, они двигались рысью, не забывая давать коням отдых.

Плохо было то, что теперь у Фараха не оставалось времени рассматривать окрестности. Все свое внимание он уделял скакуну, стараясь крепко держаться в седле. Но, тем не менее, за время пути он повидал столько нового и узнал столько разных вещей, что, в конце концов, просто перестал удивляться.

Дорога, ведущая в Масун, называвшаяся еще Южной Лентой, оказалась довольно оживленным местом. Широкая, хорошо утоптанная быками, изъезженная повозками, она была единственной приличной дорогой, что связывала столицу и южные провинции. На ней было довольно оживленно. Люди из мелких сел и деревень, расположенных поблизости от нее, шли в Башмин, караваны из Башмина неторопливо ползли в Масун. Им на встречу двигались обозы из столицы, меж ними сновали гонцы на быстрых скакунах, разнося срочные сообщения и свежие новости.

Фараху, привыкшему к пустынным деревенским дорогам, сначала было неудобно. Его нервировало такое количество людей. Он думал, что они поедут по пустынной дороге, в тишине и покое. Подмастерье даже волновался насчет разбойников, – как бы не напали на двух одиноких путников. Но по дороге путешествовали столько людей, что вряд ли какие разбойники осмелились бы напасть в открытую. Тут, как объяснил Танвар, следовало опасаться только обычных воров – коллег Косара.

Чем ближе к столице подъезжали путешественники, тем оживленней становилась на дороге. Ничего удивительного в этом не было, ведь Южная Лента являлась заодно и местом для торговли. Вдоль нее вырастали настоящие городки из переносных шатров. На маленьких перекрестках располагались шумные базары. На больших перекрестках стояли настоящие поселки – несколько домов, конюшни, постоянные двory, караван-сарай, чайни. Тут путеше-

ственника окружали заботой и лаской. Он мог спокойно найти и ночлег, и еду, и заказать уход за животными. Только плати деньги. А денег у Танвара было достаточно.

В начале пути, вечером второго дня, Танвар и Фарах остановились на ночлег в небольшом поселке ютившимся около дороги. Спали в большом сарае – рядом со скакунами. Так выходило дешевле, да и за конями присматривать легче. Сэкономив на ночлеге, Танвар щедро расплатился с хозяином сарая за скакунов. Их хорошенько напоили, накормили и вычистили. Разве что не помыли, но тут уж ничего поделаться было нельзя, – воду в этих краях берегли для людей.

Фарах, уже представлявший себе, хоть пока и смутно, сколько денег стоит подобный уход, спросил северянина, откуда у него деньги. Тот немного помялся, но ответил, что денег у него много. Во-первых, дед Фараха заранее оплатил это путешествие, еще в Хазире. Он, конечно, не рассчитывал на скакунов, но ведь планировалось, что путешественников будет трое, а вышло – двое. Так что кое-какой запас монет оставался. Во-вторых, Танвар признался, что на убитом наемнике, что охотился за Фарахом и Тейратом, он нашел кошелек с полновесными северными марками. Сколько именно там оказалось, северянин не уточнил, но Фарах догадался, что довольно много. В-третьих, Косар, как оказалось, тоже кое-что подкинул северянину. Немного, но ощутимо. В четвертых, в этих местах знали имя Косара. И иногда достаточно назваться его гостем и сказать заветное словцо, чтобы получить бесплатно и еду и ночлег.

Подмастерье, ошеломленный таким положением дел, только руками развел. Танвар рассмеялся и велел ему не забивать голову подобной чепухой. Деньги есть и их должно хватить до самого Таграма.

«Я свое слово держу, – сказал северянин. – Обещал отвезти тебя на север, значит привезу. И не как оборванца, а как гостя. Мое слово – как сталь клинка. И от того и от другого зависит жизнь и честь воина. Так что негоже пренебрегать одним в ущерб другому».

Подмастерье выслушал эти слова и решил, что когда они прибудут в Таграм, он обзаведется клинком, и станет воином, как Танвар. Воином, держащим свое слово. Что может быть лучше для мужчины! Иметь оружие, ни от кого не зависеть и отвечать за свои слова и решения, вот путь для настоящего мужчины.

Фарах рассказал об этом Танвару. Тот опять рассмеялся и велел не торопиться, дескать, приедем, там посмотрим. Казалось, что откровения спутника его только позабавили. Но с этого момента, их дружба стала прочней. Теперь, в краткие минуты отдыха на привалах, Танвар рассказывал подмастерью истории из жизни Таграма. Причем настоящие случаи из жизни, а не басни о своих приключениях.

О северном королевстве Сальстан, Фарах знал не так уж мало для деревенского подростка. Знал, что Сальстан находится севернее Каван-сара, граничит и с саддинатом и с Леараном. Правили в Сальстане короли, из древнего рода Саль, он начался едва ли не во время пришествия Энканаса в Мир. С тех пор потомки Салей и правили королевством. Сейчас в Сальстане правил король Вильдер да Саль Третий, носивший прозвище Виль – Весельчак. Еще Фарах знал, что Сальстан – самое сильное королевство, что у него большая и хорошо вооруженная армия. Это было необходимо, ведь севернее Сальстана лежали белые пустоши, населенные отвратительными чудовищами, служившими Тайгрону, богу Холода и Тьмы. На этом знания Фараха о Сальстане заканчивались.

Танвар же рассказывал такие вещи про свою родину, что у подмастерья дух захватывало – то от восторга, то от возмущения. Например, как-то раз северянин рассказал что Вильдера да Саль, короля Сальстана, прозвали весельчаком не просто так, а после скандала, случившегося сразу после начала его правления. По словам Танвара выходило, что Виль, едва вступив на трон, повелел праздновать свое воцарение целую неделю. Причем сам Вильдер не сидел во дворце. Переодевшись в простое платье, он с друзьями детства, новоиспечен-

ными советниками да командующими, закатился в самый большой публичный дом Таграма. И устроил там знатную попойку, разумеется, с оргией. В конце концов, короля узнали, и в публичный дом съехались советники постарше, доставшиеся Вилю в наследство от отца, Дарстана Саля Восьмого. Канцлер Сегмур Саль, второе лицо в государстве, занимавшийся всеми государственными делами, явился в публичный дом одним из первых. Приходившийся Вилю двоюродным дядей, он пристыдил молодого гулену и забрал его во дворец. Дескать, не подобает особе королевской крови развлекаться в подобных местах. Во дворце, протрезвевший Виль устроил скандал. Поссорился с дядей, разогнал совет министров и публично дал по зубам герцогу Герриту, начальнику канцелярии тайных дел, «сдавшему» короля канцлеру. После чего Виль задал риторический вопрос «Король я или нет?» Получив подобострастные подтверждения от сановников, опасавшихся за сохранность зубов, он велел закладывать экипаж. На этот раз король отправился в тот же публичный дом официально, с помпой и шумом. Дескать, раз король – значит, что хочу, то и творю. А по дороге, слушая приветственные крики подданных, подписал указ о продлении празднеств еще на неделю. По прибытии в публичный дом король устроил грандиозную попойку, длившуюся все положенные семь дней. После этой истории, народ переименовал сей публичный дом, банально называвшийся Розочкой, в «Усладу Виля». А самого короля прозвал Весельчаком.

Фарах выслушал эту историю с открытым ртом. Сначала и не поверил в нее. Он попытался представить себе, как саддин Каван-сара, Тассан аль Кавар, повторяет поступок северного владыки, и ужаснулся. Конечно, саддину такое и в голову не могло прийти! А уж что бы по этому поводу сказали Жрецы Огня, не одобрявшие разнузданность плоти...

Но Танвар ухмыляясь в бороду, поведал своему другу еще несколько подобных историй, правда, уже без участия монарха. А потом еще. И Фарах, выслушав сказ о том, как граф Мельдур, переодевшись женщиной, проник в опочивальню герцогини Лирон и соблазнил ее – и заодно еще трех камеристок, случившихся поблизости, – понял, что в Сальстане может случиться что угодно.

Но Танвар рассказывал не только о пьянстве и разврате. Далеко не все истории были забавными и веселыми. Самую интересную он рассказал Фараху на пятый день путешествия, ночью. В этот раз друзья ночевали в маленьком придорожном караван-сараяе, вернее на его крыше. Сарай был занят крупным караваном, идущим из Масуна в Башмин, и места внизу не нашлось. К счастью коней удалось пристроить рядом со скакунами купцов. Хозяину доверяли, – имя Косара он знал, как и тайное слово. Так что Танвар и Фарах спокойно доверили ему свою главную драгоценность, ничуть не опасаясь. Отсутствие свободных мест друзей не смутило. Они забрались на плоскую крышу караван-сарая, и устроились там, плотно завернувшись в дорожные одеяла.

Именно там, на холодной крыше, лежа на спине и разглядывая ночное небо, усеянное крупными, как горох, звездами, Танвар и рассказал историю, поразившую подмастерье до глубины души. Это был рассказ о большой северной войне, что случилась более века назад. Конечно, сам Танвар в ней не участвовал, но память о тех сражениях передавалась из поколения в поколение, в качестве назидания и напоминания о днях бед и отчаянья. В Сальстане, а особенно в Таграме хорошо помнили эту историю. И не собирались ее забывать.

Танвар начал рассказ издалека. Сначала рассказал о противостоянии богов Энкаса и Тайгрена, вечно враждующих братьев. Эту историю Фарах и сам неплохо помнил. Этому учат всех детей. Ведь Бог огня и Бог Холода воюют со дня сотворения всего сущего, и они определяют судьбу смертных. Фарах знал, что когда-то они сходились в битвах, но думал, что это дела минувших дней, случившихся так давно, что о них никто толком и не помнил. Оказалось, что это не так, и что война Энканаса и Тайгрена продолжается и по сей день. Только ведут ее сейчас не боги, а люди.

Дальше Танвар рассказал про северное королевство Хальгарт. Оказывается, существовало такое, сто лет назад. Оно лежало севернее Сальстана, и у соседей были хорошие отношения, почти братские. Но однажды, с севера в Таграм пришла тревожная весть, – на Хальгарт напал враг. Разведчики донесли, что с севера, изо льдов, на юг движется орда диких людей и диковинных существ. Хальгартцам к этому не привыкать – с севера их часто атаковали дикие твари. Но на этот раз все было по-другому. В бой шла настоящая Орда, многочисленная и хорошо организованная. Армия. Ее вели за собой демоны-колдуны, поклонявшиеся Тайгрону. Это было самое настоящее вторжение.

Враг нахлынул с севера и с ходу захватил половину Хальгарта. Северяне сопротивлялись, пытались обороняться, но враг был слишком силен. И безжалостен. Фарах слушал о зверствах северных чудовищ, порожденных Тьмой и Холодом, и чувствовал, как у него в жилах стынет кровь. Ледяные змеи, разумные медведи, стаи волков – с этим он еще готов был смириться, это были всего лишь животные. Но Танвар рассказывал, что в сражении участвовали и сами демоны-колдуны, создания Тайгрена, бога Тьмы и Холода. Творя отвратительные ритуалы и взывая к своему покровителю, они насылали на противников снежные бури, ледяные шторма, тьму и нескончаемые морозы. И что страшнее всего, за орду сражались и люди – потомки тех несчастных, что попали под власть Тайгрена в тот самый миг, когда он ступил в Мир. Жили они на севере и первыми ощутили на себе силу темного бога. За века, проведенные в рабстве, люди выродились в диких полуразумных существ, бесконечно преданных своему хозяину. Вместе с тем, они все еще оставались людьми. Крепкие, высокие, заросшие жестким волосом от макушки до пят, они больше напоминали Оргов – северных великанов. Но они были гораздо умнее. Они шли в бой после того, как орда великанов расправлялась с людьми, и добивали все, кто уцелел.

Под натиском врага Хальгарт пал. Дикая орда катилась волной к югу, уничтожая все, что встречалось ей на пути. Города разрушали до основания, всех жителей истребляли, – пленные орде были не нужны. Хальгартцы сопротивлялись изо всех сил, иногда даже выигрывали некоторые сражения, но демоны-колдуны, возглавлявшие орду, легко одолевали воинов Хальгарта. Ведь они-то оставались просто людьми.

Когда казалось, что врага уже ничего не остановит, с юга подошла армия Сальстана, спешившая на помощь соседу. Ее вел сам король – Вильдер Третий, носивший прозвище Жестокий. В его огромной армии нашлось место не только для воинов, но и для Жрецов Огня, собравшихся со всей страны.

Армия Сальстана по численности немногим уступала северной орде. Почти все кто могли держать оружие, были призваны Вилем Жестокий на службу. Он понимал: если Хальгарт захватят, то Сальстан окажется лицом к лицу с ордами Тьмы. А они, укрепившись на новых землях, и отдохнув после сражений, обязательно пойдут южнее – в Сальстан. Это понимали и простые жители королевства. Записываясь в армию, они шли не отвоевывать Хальгарт, нет. Они шли защищать свою родину.

Вильдер подоспел вовремя. Его войска смогли спасти тех, кто уцелел. Жители Южного Хальгарта готовились принять скорую смерть и надеялись лишь на то, что захватят с собой как можно больше врагов. Больше надеется им было не на что. Собственная армия Хальгарта была разбита в первые же дни вторжения, потом орда лишь добивала тех, кто еще пытался сопротивляться, да захватывала города.

Сальстанцы с ходу ринулись в бой. Слушая описания подвигов героев королевства, Фарах как наяву видел то, что рассказывал Танвар. О да, северянин оказался великолепным рассказчиком. И слушая о сражении на снежной равнине, подмастерье видел перед собой лавину конницы несущийся в атаку, видел строй пехотинцев атаковавших оргов, видел Жрецов Огня, призывавших божественный огонь на ледяных демонов-колдунов...

Первый бой выдался самым жестоким. Обе стороны – и армия Сальстана и дикая орда – сражались изо всех сил. За три дня битвы, не прекращавшейся даже ночью, обе армии потеряли почти половину бойцов. Оставшиеся в живых разошлись, передохнули два кратких дня, и снова сошлись в сражении. Схватки шли не на жизнь, а на смерть. Тут не брезговали ничем – нападали втроем на одного, били в спину, подрезали ноги... Все средства были хороши, ведь речь шла о выживании людей. Если бы погибла армия Сальстана, то орде открылся бы свободный ход на юг, в самое сердце Мира. И даже всеблагодой Энканаас вряд ли бы смог спасти людей.

На пятый день сражения к орде подошло подкрепление. Теперь сальстанцы уступали своему противнику в численности. Но это не испугало Вильдера Третьего, прозванного Жестоким. Выбрав удобное место и время, он атаковал орду, и бросил в бой все силы. Без остатка.

Кровавое месиво продолжалось день и ночь. Численный перевес был у Орды, но командиры сальстанцев лучше разбирались в военном деле. Они с толком распоряжались воинами и припасами, использовали все хитрости военного дела, и при том не щадили ни себя, ни солдат.

Сальстан победил. Орда была почти полностью истреблена, а жалкие остатки – не больше пары сотен уцелевших северных варваров, – бежали на север, в вечные снега.

Но и от армии Вильдера осталось немного. Из каждой десятки воинов, ушедших на север, семеро пали в сражениях. Сам король, бившийся в первых рядах наравне с простыми солдатами, уцелел чудом. Казалось, его хранила незримая сила. Жрецы говорили, что это была воля всеблагодой Энканааса.

Обозрев остатки армии и безбрежные пространства опустошенного Хальгарта, король заплакал. Первый и последний раз в жизни. Промокнув слезы грязным рукавом изодранного камзола, король сказал:

«Дорого обошлась нам эта победа. Нет у нас сил, ни защищать, ни восстанавливать Хальгарт. Мы уходим домой. А эти земли пусть останутся тем, кто захочет на них поселиться».

И сальстанцы ушли на юг, к себе домой.

О том, какой прием их ожидал дома, и о том каких сил стоило Сальстану оправиться после такой войны, Танвар не рассказывал. Он и сам толком не знал. Зато он рассказал о том, что после войны, Хальгарт поделился на две половины: север, полностью разоренный ордой и заспанный снегом, и юг, где осталось несколько городов не тронутых войной. В них поселились уцелевшие Хальгартцы. Все остальное пространство, раскинувшееся между северным и южным Хальгартом, никто не обживал. С тех пор те места и назывались Белыми Пустошами.

Остатки хальгартцев жили за счет Сальстана. Их было немного, пару тысяч человек. Уже более сотни лет они прозябали на севере, рядом с вечными снегами, раскинувшись на месте их страны, и несли стражу. Они должны были первыми принять на себя новый удар орды, и за это Сальстан снабжал их едой, оружием и всем прочим, что они потребуют. А в том, что будет новый удар, – никто не сомневался. Ведь битва богов Огня и Тьмы вечна, как и сами боги.

Хальгартцам приходилось нелегко. Мало того, что им приходилось жить в снегах и отстраивать заново свои поселки. После войны, как и в старые времена, с севера постоянно лезла нечисть. Стаи волков, банды диких людей, больше походивших на оргов, чудовища которым никто еще не придумал названия, – все они часто тревожили покой хальгартцев.

Правда, дальше одиночных налетов дело не шло. Но и дремать не приходилось. Уцелевшие хальгартцы жили в поселениях, больше напоминавшие небольшие военные заставы и бдительно следили за врагом, иногда делая вылазки и уничтожая бродячие банды. Но их

было мало, слишком мало. Они могли бороться с разрозненными шайками, могли предупредить о готовящемся ударе, но не более того. Север так и не заселили. У Сальстана не было ни сил, на восстановление городов Хальгарта, ни людей, согласившихся переселиться бы из относительно безопасного юга в снега разоренной страны.

Уроки войны не забылись. Последние сто лет военное дело в Сальстане оставалось в почете, и на содержание армии тратились большие деньги. Правители Сальстана помнили о том дне, когда пришлось оставить Хальгарт. Помнили вымороженные города, растерзанных жителей, и помнили кровавое месиво, которое много позже летописцы назовут битвой за Белую Пустошь. И сальстанцы знали, что в следующий раз удар придется по их родине, потому что от Хальгарта почти ничего не осталось. Пока продолжается война между Энканасом и Тайгреном, север всегда будет угрожать югу. Это стало непреложной истиной для Сальстанцев.

Фарах слушал северянина и грезил наяву. Он раньше никогда не задумывался над такими вещами как судьбы мира, его будущее, прошлое. Сейчас подмастерью казалось, что он стоит на пороге новых открытий и свершений. Что стоит только сделать шаг вперед, и он попадет в ту самую волшебную жизнь, описываемую Танваром. Увидит благородных рыцарей, высокородных дам и господ, встретит мудрецов, что корпят над манускриптами пытаясь разгадать тайны всего сущего... Встретит тех людей, что вершат судьбы мира. А маленькая южная деревенька, тихая и сонная, навсегда останется в прошлом.

Подмастерье и не представлял себе, что он едет к новой жизни. Раньше ему казалось, что просто сменит один город на другой, что Таграм – это тот же Башмин, только побольше. Лишь после рассказа Танвара, Фарах понял, что отныне уже ничего не будет таким как прежде. И что он действительно только в самом начале пути.

Танвар, тем временем, продолжал рассказ. Он попытался втолковать Фараху принципы воинских образований Сальстана. Но тот, так толком ничего и не понял. Только уяснил, что орден Рыцарей Факела, основной рыцарский орден Сальстана, был учрежден прошлым королем, чтобы поддержать тягу к военному делу в отпрысках благородных родов. Рыцари не просто красовались в доспехах и задирали друг друга, вовсе нет. Они часто устраивали турниры, мерились силой, чтобы определить, кто из них лучший воин. Победители получали щедрую награду от короля. Это поддерживало в рыцарях интерес к военному делу. Почетно быть воином, но почетнее вдвойне быть воином сильным, удачливым, богатым.

Танвар рассказывал что-то еще, про другие рыцарские ордена, куда принимали всех, не зависимо от происхождения, но Фарах уже не слышал его. Подмастерье засыпал, и чудилось ему, будто мчится он в атаку, верхом на лихом скакуне. В руках длинная пика, увенчанная алой кистью, на теле – лучшие таграмские доспехи, а за спиной отряд верных друзей рыцарей. И что враг уже рядом, что вот-вот начнется сеча...

Но врагов Фарах так и не увидел. Уснул.

11

На восьмой день пути, они добрались до Масуна, столицы Каван-Сара. К этому времени, Фарах, переполненный впечатлениями от дороги, уже перестал удивляться чему либо. Больше не мог. Теперь он воспринимал новинки окружающего мира, как данность, как обыденность. Поэтому Масун не произвел на него большого впечатления.

Его не удивили ни высокие стены из желтого кирпича, ни огромные ворота из тяжелого дерева. И толпы людей, тоже его не удивили. На дороге насмотрелся всякого, – видел и торговцев, и жуликов, и вояк, и нищих, и безумных пророков, предрекавших скорую гибель мира... Поэтому он не обратил особого внимания на пеструю толпу, что вливалось потоком в ворота Масуна. Окинул ее взглядом, и равнодушно пристроился сзади, ожидая пока подойдет его очередь, войти в город.

Танвар, разумеется, был рядом. Он почему-то утратил обычное красноречие и молчал, мрачно поглядывая на ворота. Стало понятно, что с Масуном у него связаны не очень приятные воспоминания. Но Фарах не стал расспрашивать своего друга, какие именно. Подмастерье знал, что если Танвар захочет, то сам все расскажет. А если не захочет... Зачем тогда его вопросами терзать?

К воротам они попали не скоро, только после того как отстояли в очереди два часа. За это время Фарах успел насмотреться на толпу, стремящуюся попасть в Масун и сделал вывод, что все нормальные люди сидят дома и не высовываются. Нет, торговцев он хорошо понимал. Дело превыше всего – деньги должны приносить прибыль, и если хочешь заработать себе на хлеб, надо суетиться, а не сидеть на месте. Но кроме торговцев, обремененных различными товарами, в очереди к воротам стояли и другие люди. И было их много. Фарах никак не мог взять в толк, – зачем столько людей стремятся попасть в столицу. Подмастерье спросил у Танвара, что он думает по этому поводу. Северянин буркнул в ответ, мол, это бездельники, им больше нечего делать, кроме как толпиться и шуметь около ворот. Стало ясно, что северянин не в духе и Фарах не стал развивать тему.

Добравшись, наконец, до ворот, они спокойно въехали в город, назвавшись страже чужими именами – на всякий случай, как сказал Танвар. Фарах сильно сомневался в том, что страже есть до них дело, но послушался северянина.

В городе, выглядевшим как сильно разросшийся Башмин, друзья в первую очередь направились на поиски подходящего постоянного двора. Близился вечер, гостей в городе много, и о ночлеге следовало побеспокоиться заранее.

Танвар, уже бывавший в Масуне, взял на себя роль провожатого. Он повел Фараха через торговые ряды к середине города. Потом путешественники свернули с главной улицы, и стали плутать по лабиринтам узеньких переулков. Фарах уже приготовился к встречи с новым Косаром, но Танвар, после получасового блуждания по городу, вывел своего спутника к небольшой площади. Вокруг нее выстроились дома, разительно отличавшиеся от остальных строений Масуна. Они были сложены из крупных камней, и крыши у них были остроконечные, украшенные темно-красной черепицей.

Рассматривая людей на площади и необычные дома, Фарах сообразил, что Танвар привел его к своим землякам – к сальстанцам. Оказалось что тут, почти в центре Масуна, целый квартал был заселен северянами. Они держались вместе, и их община была едва ли не отдельным городом внутри города.

Добравшись до площади, Танвар повеселел. К нему вернулось хорошее расположение духа, и он сказал Фараху, что здесь они в безопасности. В этом квартале, что назывался Северным, хотя и располагался в западной части Масуна, жили только сальстанцы. Танвар рассчитывал найти здесь самый радушный прием. Так оно и вышло.

Северянин привел Фараха в двухэтажный каменный дом называвшийся таверной. Скакунов спутники привязали к специальной стойке около двери, и вошли внутрь. Здесь, на первом этаже располагался большой зал, уставленный столами и длинными деревянным лавками. Все это очень напоминало Фараху чайню, но столы были высокие, до пояса, и сидели за ними на стульях, а не на подушках, как обычно. В остальном – все точно так же. Люди ели, пили, разговаривали. Меж столов, разнося заказы, сновала прислуга.

Появление гостей не вызвало у посетителей таверны особого интереса. Все были заняты своими делами. Танвар провел Фараха в дальний угол, к свободному столику. Они присели, и Фарах блаженно откинулся на высокую спинку, вытянул ноги. Сейчас больше всего ему хотелось закрыть глаза и завалиться спать. Хотя бы и здесь – прямо за столом. Но он не успел.

К ним подошел человек в длинном, засаленном до грязно серого цвета, фартуке. Танвар велел ему принести жареного мяса и белого вина. Тот кивнул в ответ и ушел к стойке, что находилась у дальней стены.

Надо было дождаться заказа и перекусить, не дело это – засыпать после еды. Фарах, поборол сонливость, и стал прислушиваться к разговорам. Говорили на серверном языке, но просто, без изысков, поэтому подмастерье понимал почти все. Разговоры оказались скучными – о погоде, о торговых делах, о женщинах.

– Ну что, – сказал Танвар, – как себя чувствуешь? Вид у тебя измученный.

– Устал, – признался Фарах. – Голова кругом идет. Сейчас бы завалиться в постель и немного поспать.

– Погоди немного. Поедим, тогда уж и спать. Я жутко проголодался.

– Надо еще найти ночлег.

– Считаю, нашли. Здесь, на втором этаже и заночуем. В тавернах обычно не ночуют, на то есть постоянный дворы. Но тут не так много посетителей, так что хозяева заодно и комнаты сдают.

– А скакуны, – заволновался Фарах. – Как они там, на улице?

– Все будет хорошо, не беспокойся, – заверил его Танвар. – Хозяин таверны позаботится о лошадях. Это его работа. Здесь есть конюшня – сарай, отведенный специально для скакунов.

– И что, ты доверишь ему наших коней?

– Не волнуйся, тут все без обмана. Иначе хозяину не сносить головы. Кстати, пора бы ему появиться...

Но первым появился вовсе не хозяин таверны. К столику подошел высокий северянин в изодранном черном плаще. Волосы у него были длинные, собранные в «конский хвост», при том – мерзкого грязно-желтого цвета. Да и сам гость не выглядел красавцем. Его худое лицо с близко посаженными маленькими глазками, было изрыто оспинами и покрыто мелкими морщинами.

Он плюхнулся на стул рядом с Танвар и стал быстро говорить на северном языке. Фарах не понял, что именно – гость говорил слишком быстро, глотая окончания слов. Единственное что разобрал, так это просьбу заплатить деньги.

Танвар же повернулся к гостю и ответил ему, что мол, информация конечно стоит денег, но не таких. После этих слов, гость нахмурился, встал, и ушел.

– Дело дрянь, – шепнул Танвар подмастерью. – Про нас уже слышали в Масуне. Видать, башминская стража постаралась. Меня ищут, чтобы расспросить о нападении разбойников. Ну и тебя заодно. Наверно подозревают, что мы навели банду на караван.

– Это глупо, – не удержался Фарах. – Ты же сам всех разбойников и убил!

– А стражи порядка никогда умом и не отличались, – отозвался северянин. – Им главное человека поймать, да хорошенько его расспросить. С помощью дубинки.

– Что будем делать?

– Тоже что всегда. Передохнем немного и бегом – на север. Тут уже недалеко до границы с Сальстаном. Вон, сколько наших тут ошивается. Правда, тут у меня знакомых нет. Ну, близких знакомых, что могли бы помочь. Так что ведем себя тихо, как мышки. Переночуем – и бегом на север, к границе.

– А через границу нас пустят? – засомневался Фарах, уже знавший, что такое пограничная застава и что такое налог на въезд в страну.

– Пустят, – спокойно отозвался Танвар. – На Каван-Сарской заставе я знаю одного человека... Он за денежку хоть Тайгрена пустит, и имени не спросит.

Фарах нахмурился при упоминании бога тьмы и щелкнул пальцами, отгоняя зло.

В этот момент перед столиком появился прислужник в засаленном фартуке. Принес заказ Танвара – жареное мясо, в огромной деревянной тарелке и большой глиняный кувшин с вином. Еще он принес пару глиняных тарелок и два стакана.

– Ночевать будите? – осведомился он, расставив на столе еду.

– Комнату с двумя кроватями, – отозвался Танвар. – С разными кроватями.

– Полмарки за двоих.

– Скакуны, – напомнил Фарах.

– Ах да, – спохватился Танвар. – Надо пристроить скакунов...

– По марке на каждого. Еда и питье. Без ухода. Но это вы лучше с хозяином поговорите.

Я ему передам.

Слуга коротко поклонился и ушел.

– Неужели ты забыл про скакунов? – спросил Фарах у Танвара.

– Вовсе нет, – отозвался он. – Просто честность честностью, но надо этим ребятам показать, что мы не трясем над лошадьми. Что они у нас дешевенькие.

– А то они сами не рассмотрят, – какие они у нас.

– Брось, – махнул рукой Танвар. – Лучше ешь. Не забивай себе голову. Считаю, что это обычай.

Фарах пожал плечами, достал нож и принялся за мясо. Танвар налил вина в оба стакана, и высадил свой одним глотком. Подмастерье понюхал вино и решительно отставил стакан. Оно очень напоминало то, что ему довелось попробовать в самом начале пути. В тот день, когда на караван напали разбойники, этот кисловатый запах подмастерье запомнил навсегда. Теперь для него такое вино пахло кровью.

В центре зала зашумели. Вокруг одного столика стала собираться толпа. Фарах оглянулся, и, заметив хмурые лица, повернулся к Танвару.

– Будет драка? – спросил он, припоминая рассказы северянина о тавернах.

– Нет. – Сказал Танвар, подцепляя ножом кусок мяса. – Ерунда. Просто дурные новости.

Драки действительно не случилось. Фарах и Танвар спокойно поужинали, их никто не потревожил. Когда пришло время расплачиваться, к ним подошел толстый человек, лысый как коленка, представившийся хозяином таверны. Танвар быстро договорился с ним о ночлеге и о скакунах, причем умудрился немного сбить цену. Фарах в разговор не вмешивался. Он с интересом прислушивался к звучанию чужой речи. Разговор шел медленно, плавно и подмастерье все понимал. Уроки деда не прошли даром.

После того как Танвар расплатился с хозяином, друзья поднялись на второй этаж таверны, и нашли комнату, предназначенную для них. Комнатка оказалась маленькой, с низким потолком. Единственное окно, забранное решетчатыми деревянными ставнями, выходило на задний двор. В разных углах стояли кровати, больше напоминавшие деревянные топчаны для сушки белья. Судя по всему, это была одна из самых дешевых комнат.

– Ох, наберемся вшей, – сказал Танвар, почесываясь.

Фарах нахмурился. Пока что эта беда их обходила стороной. У северянина имелся специальный настой из северных трав, отгонявших паразитов, и друзья постоянно им мазались. Но если в этой комнате вшей полно, не спасут никакие притирания.

Но делать было нечего, других вариантов не предвиделось, поэтому друзья достали из мешков одеяла и устроились на ночлег. В комнате стало душно, и Фарах открыл окно.

Свежий воздух, плотный ужин и дневная усталость сразу дали о себе знать. Оба путника мгновенно уснули.

Встали друзья рано, когда весь город еще спал и, как только взошло солнце, покинули таверну. Танвар сказал, что уезжать лучше всего утром. Если выехать ночью, то стража может поинтересоваться, куда это спешат путники под покровом темноты, а днем слишком много чужих глаз.

Но оказалось, что они не единственные любители утренних прогулок. Фарах был удивлен тем, что на улицах им попадались прохожие. В Башмине, к примеру, в это время все еще спали. А здесь в Масуне, несмотря на раннее утро, на улицах было полно народа.

Понаблюдав за прохожими, Фарах понял, что в основном это торговцы, спешившие на рынок, чтобы подготовиться к торговому дню. Оно, конечно, верно, самая хорошая торговля идет с утра, по холодку. Потом, когда дом Энканаса заберется в зенит, и начнет припекать грешный мир, начнется час отдыха. Для торговли будет слишком жарко. Ближе к вечеру, покупатели снова потянутся на рынок, но вечерний торг – совсем не то, что утренний, много не заработаешь.

Фарах убедил Танвара заглянуть на рынок. Ему нравилось бродить по торговым рядам, слушать, как продавцы нахваливают свой товар и разглядывать различные диковины. Когда они с дедом бывали в Башмине, на рынок заходили всегда. Это было лучшим развлечением для подростка. И теперь, очутившись в столице всего Каван-Сарах, Фарах просто не мог себе позволить упустить случай посмотреть на Масунский рынок.

Танвар поворчал, но согласился, сказав, что дорога к северным воротам проходит как раз мимо небольшого рынка. Не главного, не самого большого, но вполне приличного.

И действительно, проехав несколько улиц, друзья оказались у длинных деревянных прилавков. На них сонные торговцы выкладывали свой разношерстный товар. Но Фарах был разочарован. Купцов немного, посетителей нет вовсе, торговля еще не началась. Скучное это зрелище – торговые ряды утром. Ни пестрых красок, ни шумной толпы, ни веселых разговоров.

Единственное, что привлекло его внимание, так это весы, стоявшие под большим навесом. Конечно, он видел весы и раньше, но эти выглядели иначе, чем их башминские сородичи. Размером они были с хорошего скакуна. Сделанные из темного дерева, окованного жестью, они поражали воображение своими размерами и красотой. Поперечная полоса с насечками и огромная стрелка, были отделаны серебром. По благородному металлу вились причудливые узоры. Такого чуда подмастерью еще не доводилось видеть.

Около весов суетились два купца в полосатых халатах. Они взвешивали тюки с материей и отчаянно бранились. Фарах задержался у навеса, глядя как стрелка ходит вдоль шкалы, поблескивая в утренних лучах солнца. Это зрелище его заворожило. Стрелка, как серебряный перст, качалась из стороны в сторону. Она никак не могла остановиться. Влево вправо, влево вправо... Подмастерью чудилось, что это палец рассерженного бога. Он кому-то грозил, волновался, гневался...

Фарах застыл, ожидая, когда стрелка остановиться. Почему-то, ему показалось очень важным, чтобы она остановилась. Чтобы весы пришли в равновесие и успокоились. Чтобы серебряный палец должен перестать грозить. Он должен был застыть на месте, остановиться навсегда. Но это никак ему не удавалось. Влево вправо, влево вправо...

– Эй! – сказал Танвар. – Ты что, заснул? Поехали, время не ждет.

Фарах вздрогнул и волшебное очарование пропало. Весы снова стали всего лишь весами. Серебряная стрелка оказалась ничуть не похожа на божественный перст. Подмастерье видел теперь, что это всего лишь деревяшка, окованная металлом. Всего лишь серебро, тусклое и, похоже, очень дешевое. Купцы бранились, дергая чаши с наваленными на них тюками, и не давали весам нормально работать, только и всего. Подмастерье вздохнул и тронул поводья.

До северных ворот они добрались за полчаса. Город просыпался, народ высыпал на улицы, но дневная толкотня еще не началась. Все ранние пташки спешили по своим таинственным делам, и выглядели на редкость сосредоточенными и целеустремленными. Тем не менее, у ворот уже начала образовываться очередь из желающих покинуть город. Стража ревниво рылась в повозках с товарами, ища, за что бы содрать налог. Без товарных Фараха и Танвара пропустили без лишних разговоров, – что взять с двух оборванцев, у них всего то добра – два скакуна да пара тощих дорожных мешков. На фоне торговцев, возвращающихся из столицы с полными возами вещей, друзья выглядели едва ли не нищими.

За воротами они ненадолго остановились. Фарах равнодушно взирал на знакомую до отвращения картину: от его ног к горизонту уходила широкая лента дороги, рассекая равнину на две части. По дороге шли люди, брели быки. В этот утренний час путников немного, но первые обозы уже отъезжали из Масуна, торопясь пройти по холодку, до утренней жары, как можно больше. Им на встречу, из-за горизонта, тянулась пестрая змея большого каравана.

Фарах вздохнул. Он снова в начале пути. Словно и не выезжал из Башмина.

– Ну вот, – сказал Танвар. – Масур позади. Дня два до границы, а там мы считай и дома.

– Дома. – Глухо повторил Фарах. – А сколько ехать до Таграма?

– Это, смотря как ехать, – отозвался Танвар. – Если торопиться, то неделю, или полторы. Как повезет. Если не спешить, то и целый месяц можно ехать. А если пьянствовать в каждом придорожном трактире, то пару лет.

Подмастерье поморщился, ему казалось, что это путешествие никогда не кончиться. Он устал от дороги, устал от неудобного седла и от постоянной ломоты в спине.

– А там, в Таграме, что будет? – спросил он.

– Что будет? Как приедем, будет прирушка. Знатная, обещаю. Потом я улажу пару дел, а после займемся тобой. Найдем жилье. Пристроим на работу, может даже в кузню. А там уж как получится.

– Тогда поехали скорее, – попросил подмастерье. – Я устал. Очень устал. Мне хочется найти уголок, где можно будет целый день сидеть на одном месте. Ничего не делать, глядеть в стену. И еще. Мне надо пойти к жрецам, заказать молитву по деду...

– Ну, тогда держись, – отозвался Танвар. – Видишь обоз вдальке? Ну, тот, из трех повозок. Спорим, что я первый нагоню его?

Фарах вздохнул. Путешествие на север продолжалось.

12

До пограничья добрались быстро, за два дня. Оказалось, что земли, лежащие вдоль дороги ведущей на север – густо заселены. По большому счету, столица не кончалась за городскими воротами. Кончался Масун. А дальше начинались мелкие городишки. Это понятно: дорога до границы – людное место. Вдоль нее стояли постоянные двора, караван-сарай, таврены, чайни... Базаров, правда, не встретилось. Рядом столица – что ж затевать торжище на открытом месте, на полпути. Но путешественник, решивший передохнуть по пути к границе, мог найти тут все что угодно.

Друзья пользовались всеми благами обжитых мест: на ночлег останавливались в лучших постоянных домах, заказывали уход за скакунами. Сами ели много и сытно; отдыхали и набирались сил. Вечерами, как повелось, беседовали. Фарах расспрашивал Танвара о Сальстане – хотел, как можно больше узнать о цели путешествия. Северянин надувался от гордости за свою страну и расписывал великолепие родных мест. Воспевал славные обычаи, слагал оды красавицам, травил байки о приключениях друзей. Но Фарах верил едва ли половине того, что слышал. Уж больно все складно получалось у Танвара. По его словам, Сальстан представлялся чудо страной, где все только и делали что веселились. Фарах, подмастерье деревенского кузнеца, за свою недолгую жизнь твердо усвоил, что веселиться все время можно только за чужой счет, пока кто-то работает, тянет за тебя лямку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.